

Елизавета Дворецкая
ВЕДЬМИНА ЗВЕЗДА
Книга 1. Последний из Лейрингов

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Ведьмина звезда. Книга 1:
Последний из Лейрингов**

«Автор»

2005

Дворецкая Е. А.

Ведьмина звезда. Книга 1: Последний из Лейрингов /
Е. А. Дворецкая — «Автор», 2005 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0522-2

Бывает, что двое могущественных врагов – это лучше, чем один. Если они приходят одновременно и не ладят между собой. Оставив за спиной сгоревший дом и простившись с прежней жизнью, Хагир из рода Лейрингов пытается собрать войско, чтобы вернуть родной земле свободу и величие. Простой воин отправляется в дальний путь, чтобы спасти плененного конунга, еще не подозревая, что приведет в свое племя нового вождя. В походе он встречает Бергвида, законного наследника власти над страной. Но выйдет ли достойный правитель из человека, который вырос в рабстве и всю жизнь копил в сердце злобу на весь мир?

ISBN 978-5-9717-0522-2

© Дворецкая Е. А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елизавета Дворецкая

Последний из Лейрингов

*Гнев и вражда
и обида не спят;
ум и оружие
конунгу надобны,
чтоб меж людей
первым он был.*

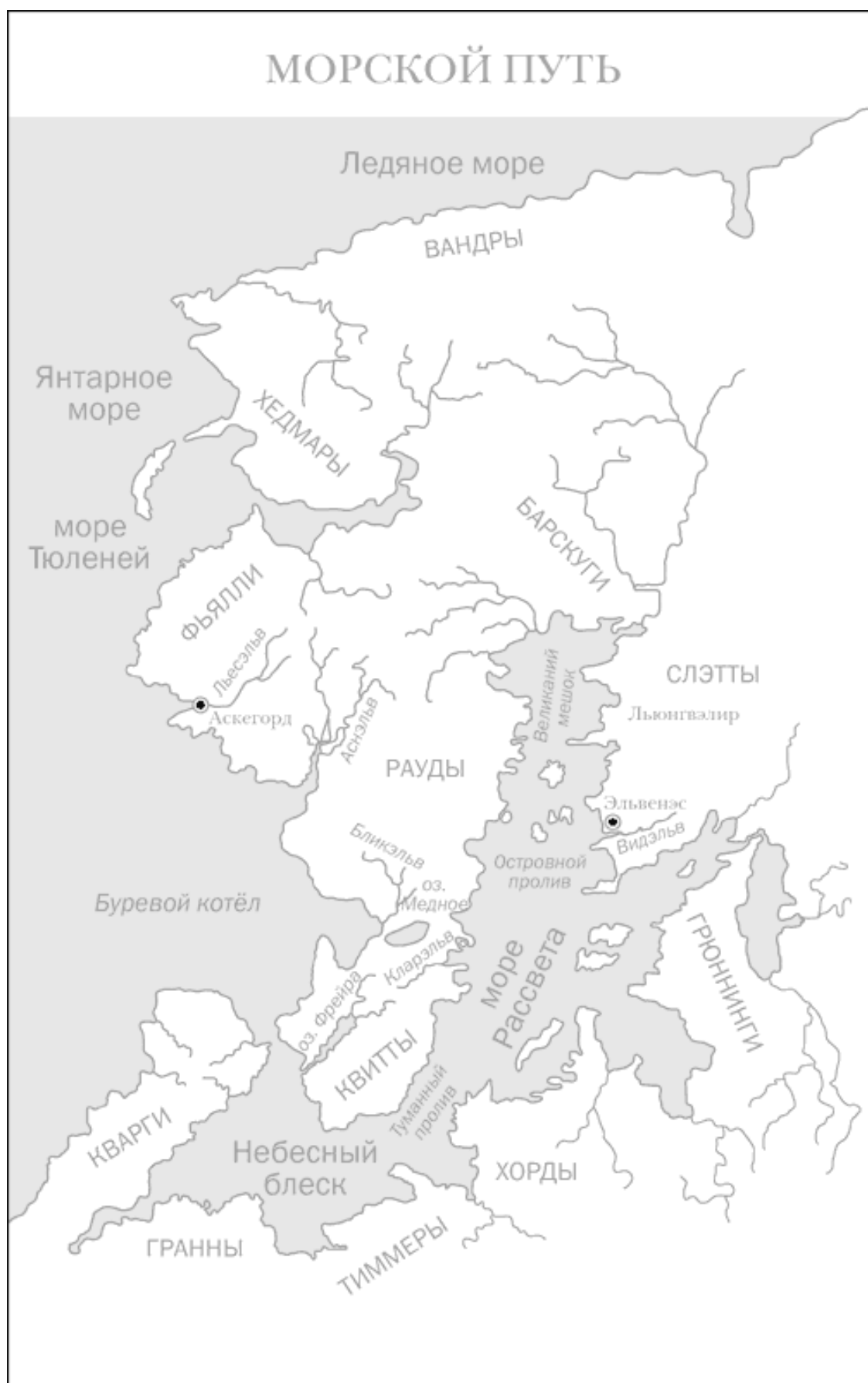
Старшая Эдд¹

*И вот первое: наступает
лютая зима, что зовется
Великанская зима. Снег
валит со всех сторон,
жестокости морозы, и свирепы
ветры, и совсем нет солнца.
Три таких зимы идут
сряду, без лета.*

Младшая Эдда²

¹ Пер. А. Корсуна.

² Пер. О. Смирницкой.

Глава 1

Когда Сормунд сын Асколя, по прозвищу Ершистый, разглядел корабль, выходящий из-за мыса навстречу «Бобру», он бурно обрадовался.

– Эй, Хагир! Поди погляди! – радостно завопил он, хотя тот, к кому он обращался, сидел за одним из передних весел прямо у него за спиной. Вцепившись в борт, Сормунд подался вперед, будто не мог утерпеть, пока далекий корабль приблизится. – Задави меня великан, если это не тот стервец Вебранд! Ты погляди! Его «Змей»!

Хагир, высокий парень лет двадцати шести, выпрямился и оглянулся через плечо, не оставляя весла. Узкий и длинный, скамей на двадцать, корабль очертаниями напоминал змея, и на его переднем штевне возвышалась плоская змеиная голова, что указывало на племя граннов. Вид корабля, его парус в широкую красно-зеленую полосу показались знакомыми, но Хагир не углядел в этом ни малейшего повода для радости. На просторах Морского Пути можно повстречать и кого-нибудь поприятней, чем Вебранд Серый Зуб!

– Ведь это он, Хагир, ну, ты скажи! – ликовал Сормунд. – Ребята, глядите! Провалиться мне прямо в Хель, если это не Серый Зуб!

– Похоже, что так! – должен был согласиться Хагир. – Но если ты провалишься сейчас, то попадешь не к Хель, а к Ран.

– Один тролль! – Сормунд возбужденно махнул рукой. – Это он, поганец! Сам идет! Сейчас я ему все зубы повышибаю, и ему, и его «Змею»! Ты смотри! Как парус расправил! Хороша будет для свиной подстилка!

– Бьярта не даст! – возразил гребец с одного из ближних весел, Лейг Остроглазый. – Да один этот парус за половину годовой дани сойдет!

– Так что свиньям придется подождать другой добычи! – со смехом подхватил Альмунд Жаворонок, подвижный светловолосый парень. Ему уже виделись грозно оскаленные свиные рыла, увенчанные блестящими шлемами, и он мотал головой от хохота, налегая на длинное весло.

Хагир не смеялся, так что Альмундово остроумие частично пропало даром. То и дело он оборачивался и, шурясь, вглядывался в «Змея». На встречном ветре тот быстро приближался, и становилось ясно, что Сормунд не ошибся. Уже было можно узнать и самого Вебранда Серого Зуба, его невысокую, коренастую фигуру и круглую большую голову с прядями полутемных-полуседых волос на плечах. Вот обернулся к хирдманам, призывно взмахнул кулаком – как видно, произносит примерно те же речи, что и Сормунд.

– Сворачивают парус! – Вожак «Бобра» радостно грохнул кулаком по борту. – Думают драться! Еще бы! Знает, поганец, что я его просто так не отпущу! Тут он мне ответит за Тресковый фьорд!

Хагир обернулся к кормчему и свистнул; «Бобер» повернул к берегу, на сближение со «Змеем».

– Смотри, как сидит! В воде по самые щиты! – Бранд Овсяный привстал на скамье, оглянулся и вытянул шею. – То ли полгода не вылезает из воды, то ли набит разным добром!

– Этот Вебранд тоже не промах – не упустит случая поживиться! – заметил Ранд Башмак. – Зря он, что ли, тогда, ну, в Тресковом фьорде... Уж этот умеет прихватить чужое добро!

– А теперь его добыча будет наша! – грозил Сормунд. – И он сам в придачу!

От нетерпения Сормунд даже притопывал: еще утром он и думать не думал ни о каком Вебранде, но внезапная встреча напомнила обидное прошлогоднее происшествие, когда Вебранд Серый Зуб ограбил один торговый корабль, кое-какой товар на котором принадлежал Сормунду Ершистому и должен был принести очень нужную прибыль! И об этом наглого граннландца поставили в известность! Но он и не подумал поукоротить свои загребушие руки,

а потом еще болтал по всему Морскому Пути, что, мол, пусть каждый сам оберегает свое добро, а если кто не может, то он, Вебранд, тут не виноват!

– Ты бы отпер сундук! – намекнул Хагир своему вождю, который в предвкушении долгожданной расправы с обидчиком потирал широкие ладони.

– Видишь, как забежали! – радостно приговаривал Стормунд, прямо-таки пожирая взглядом «Змея». – Не ждал я такой славной добычи! Все видите! А Бьярта еще говорила, что этим летом нам едва ли повезет! Руны, руны раскидывала! Удача посильнее всяких рун!

– Птица на крыше! – буркнул себе под нос Торд кормчий, но тихо: Стормунд Ершистый не знал сомнений и всякую птицу на крыше, если она была ему нужна, уже видел у себя в руках.

Впрочем, довольно часто он оказывался прав, потому что силой и отвагой боги его не обделили. «Удача любит тех, кто за ней бегают!» – говорил он. Сидеть дома подолгу он не любил и теплое время года проводил в походах. Усадьбой правила его жена, Бьярта, бывшая куда осмотрительнее мужа. Большого богатства у них не водилось, но все же на западном побережье Квиттинга, разоренном семнадцатилетней войной с фьяллами, хозяева усадьбы Березняк считались людьми с достатком: они содержали дома дружину в двадцать человек и еще столько же нанимали на время каждого похода, а на пиры Середины Зимы собирали в гости всю округу. Но, как ни старалась Бьярта, ежегодную дань фьяллам удавалось выплачивать с большим трудом. Нынешний год не был исключением, поэтому потеря товара в Тресковом фьорде показалась ощутимой, а возможность рассчитаться с обидчиком и малость пожить за его счет – желанной и ценной.

– Я ему покажу, кто такой Стормунд Ершистый! – радовался предводитель «Бобра», отперев сундук на носу и с грохотом выбрасывая на днище мечи, боевые топоры, шлемы хирдманов. – Не уйдет!

Насчет этого Стормунд мог не беспокоиться: Вебранд Серый Зуб пользовался довольно-таки дурной славой, но никто еще не говорил, что он бежит от боя. Оба корабля стремительно преображались: крыло цветного паруса было свернуто, разноцветные щиты с бортов перешли в руки дружины, за щитами поблескивали клинки мечей и секир. Головы украсились шлемами, наконечники стрел уже шарили по воздуху, выбирая цель.

Стормунд Ершистый с большим красным щитом стоял на носу и выглядел грозно. В расцвете сил – ему сравнялось тридцать семь лет – он был высок, крепок и производил весьма внушительное впечатление. Плохо чесанные пряди густых темных волос свисали из-под шлема с золочеными накладками – шлем этот Стормунд раздобыл в прошлогоднем походе, доказав тем самым, что правду о своих подвигах говорит чаще, чем хвастает. (Бьярта зарилась на эти золоченые накладки, мечтая сделать из них наплечные застежки для платья, но Стормунд не уступил: мужчина в бою должен выглядеть как следует!) Верхнюю половину лица прикрывала железная полумаска, и сквозь нее серые глаза Стормунда, блестящие в предвкушении близкого боя, тоже выглядели стальными. От нетерпения он раскраснелся и подрагивал, как ураган, зажатый в кулак.

– Эй, что это за козявка плывет мне навстречу? – заорал Стормунд, едва дождавшись, пока корабли сблизятся на расстояние голоса. – Что за букашка тут барахтается? Такую козявку надо проучить!

– Плохая же у тебя память, Стормунд Ершистый, если ты меня не узнал! – раздался в ответ скрипучий, неприятный голос. – Ну да ничего, бывает! После нынешней встречи ты меня запомнишь и уж больше никогда ни с кем не путаешь!

– Память у меня хорошая! – рявкнул в ответ Стормунд. – Я-то помню, как подло ты себя вел в Тресковом фьорде!

– Ну, поведи и ты себя подло, если так считаешь, я не обижусь! – посмеиваясь, позволил ему Вебранд. – Не думаю, что тебе придется потом рассказывать об этом, так что бояться нечего!

– Кто боится? – с вызовом гаркнул Сормунд и крепче сжал рукоять секиры, так что костяшки пальцев его смуглой руки побелели. – Уж не мне тебя бояться, оборотень!

– Конечно! Дурак никогда не боится заранее. И это его счастье.

– Сейчас увидим, кто из нас дурак!

Обвязывая длинные темно-русые волосы ремешком, чтобы не мешали, Хагир шурился, оценивая противника. Человек пятьдесят будет, а у квиттов тридцать девять, да сам вожак стоит троих, да борт у «Бобра» выше – ничего, прорвемся. Дружина сыта по горло насмешками за Тресковый фьорд, а хороший парус ой как пригодится... Да и одолеть Вебранда Серого Зуба – подвиг, достойный последнего из Лейрингов!

Последним из рода Лейрингов, или Южных Лейрингов, как их знали когда-то по всему полуострову, был он сам. И хотя Хагир сын Халькеля в дружине Сормунда Ершистого получал еду, одежду, долю в добыче и эйрир серебра в год наравне с прочими хирдманами, сам Сормунд уважал его за знатность рода, намного превосходящую его собственный, за ум, отвагу и твердость, вполне достойные этой знатности.

«Змей» и «Бобер» стремительно сближались, с той и другой стороны уже держали наготове железные крючья. Лучшие воины собрались на носах обоих кораблей, за спинами вождей. Полоса воды быстро сужалась, волны между кораблями кипели, кидались туда и сюда, как тролли под ногами двух великанов, вышедших на смертный бой. Где-то внизу ждала с сетью наготове великанша Ран, хозяйка всех утонувших.

Вебранд взмахнул мечом: со «Змея» разом сорвалось два десятка стрел, свистящим роем рванулось к «Бобру» и с треском впились в подставленные щиты. Тут же щиты опали, как убитые, из-за них взметнулись приготовленные квиттами луки и мигом пустили стрелы, пока граннландцы не успели выстрелить по второму разу.

– Тюр и Глейпнир! – ревел Сормунд боевой клич племени квиттов, некогда славный победами. – Да славься Всеотец!

Морда «Змея» с набитыми в деревянную пасть черными железными зубами смотрела прямо в лицо; Хагир метнул копьё, целясь не в Вебранда, которого прикрывали двумя щитами хирдманы, а в мощного бородача рядом; тот не ждал такой чести и не успел закрыться. Вбитое в грудь копьё отшвырнуло его от борта, тело придавило несколько человек из стоявших позади. Квитты торжествующе закричали, и Хагира пронзило ликование – хорошо начали!

С тяжелым деревянным треском борта кораблей ударились один о другой. Свистнули огромные железные крючья и с хрустом впились в борта: «Бобер» и «Змей» вцепились друг в друга зубами и стали одним полем битвы. Нестройная волна криков взмыла над водой, и два человеческих вала рванулись навстречу.

Борт «Бобра» был выше, и дружина квиттов хлынула на врага сверху вниз, как с горы. Сормунд прыгнул первым, красным щитом смяв и отбросив ожидающие его клинки, и пошел рубить секирой, добираясь до Вебранда, который теперь, стоя на носу «Змея», остался у него за спиной. На носах кораблей битва теснилась бурно и беспорядочно, в общей свалке своих и чужих едва удавалось поднять руку для хорошего замаха, и иной раз противникам приходилось вместо ударов обмениваться только бранью и толчками.

Зато в середине, возле мачты, у Хагира с десятком хирдманов имелся простор. Гранны были отлично вооружены и неплохо выучены, их не смутили сила и стремительность натиска. Мечи квиттов были встречены плотным строем щитов, что норовили прижать врага к борту, и квиттам пришлось потрудиться, чтобы дать размах своему оружию. Хагир первым проломил стену щитов: его секира с такой мощностью ударила в лоб гранна, что продавила шлем и отбросила того к другому борту. Всплеск торжества, порыв – вперед; мимо свистнуло копьё, Торд кормчий упал, и некогда осознать потерю...

Ликующий рев впереди – Сормунд добрался до Вебранда. Секиры он уже лишился, вместе с половиной чьего-то черепа отправив ее за борт, и теперь бился мечом. Казалось бы, что

за противник – невысокий, приземистый Вебранд – для «урагана в кулаке»! Но сила Вебранда оказалась как нить клубка, что катится по полу и безостановочно разматывается – дальше и дальше, без конца! Сормунд рубил яростно и неудержимо, доверяясь слепой волне боевого азарта, но половина его ударов проваливалась в пустоту, а половина оказывалась отбита. Не дрогнув под мощным напором, Вебранд ловко уклонялся, заставлял противника терять силы попусту, а сам наносил удары точно, хладнокровно и действенно. Его стальной клинок, который он звал Серым Зубом, кусал быстро и точно.

Два намертво сцепленных корабля качались на волнах, волны слизывали с бортов потеки крови, тела с раскинутыми руками летели за борт и исчезали в воде. Лязг железа и крики отражались от близкого каменистого берега, терялись между деревьями на склонах гор. И старые ели равнодушно смотрели на кровавое кипение битвенного котла.

Дикий вой вдруг взвился над морем, взлетел, как стрела, пущенная прямо в небеса. Хагир оглянулся, и в глазах его отпечаталось, резкое и невероятное, как бывает только во сне: Сормунд, изумленный и сбитый с толку этим воем, застыл, прикрывая грудь поднятым клинком. А Вебранд вдруг прыгнул вверх и вперед, с троллиным проворством, сам как кулак невидимой руки, и обеими руками обрушил свой Серый Зуб на голову Сормунда. Из-под оковки шлема хлынул ярко-красный поток, залил и обезобразил лицо. Кровь заструилась по темной бороде Сормунда, закапала на грудь, и клинок в руке склонился вниз, опустился, выпал на днище корабля... И сам Сормунд упал, огромный и тяжелый, как великан, и беспомощный, как камень, а вокруг него нет никого из своих...

Сильный удар обрушился откуда-то сбоку, рука Хагира сама дернулась и подставила щит, но потрясение его было так велико, что Хагир не успел собраться и не удержался на ногах. Деревянный борт будто сам рванулся к нему, больно ударил по боку. Локтем оттолкнувшись от борта, Хагир успел вскинуть вторую руку с мечом, выпрямиться и отбить новый удар. Вскочив на скамью, чтобы иметь больше простора, он замахнулся и ударил кого-то из граннов по голове; клинок скользнул по шлему, голова отшатнулась, а с другой стороны к Хагиру метнулось острие копья. Хагир не видел его, но кожей ощутил его хищное змеиное движение; он рванулся, стремясь уйти из-под удара, и вдруг корабль сильно качнулся, борт ударил сзади под колени, и скамья сама вывернулась из-под ног. А может, и не корабль качнуло, а в голове у Хагира от напряжения вскипела кровь – и холодная пропасть распахнулась внизу и сомкнулась вокруг.

Хагир очутился в воде; меч выскользнул из руки и пропал, но щит, к счастью, оказался под ним, иначе, оглушенный, он мог бы разом пойти ко дну. Вода миглом отрезвила и заставила бороться за жизнь; Хагир вынырнул, вдохнул; перед глазами мелькнул темный борт корабля, волны толкали к нему. Хагир погреб прочь; в голове гудело, в глазах мелькали пятна, вода облизывала лицо и мешала дышать.

Сормунд Ершистый лежал у ног Вебранда, гранны уверенно очищали «Бобра» от людей. Иные прыгали в воду и пытались уплыть, иные сдавались: после гибели вожака рассчитывать было не на что.

– Эй, ребята! – радостно закричал своим людям Вебранд. – Поймайте-ка мне вон того, длинноволосого: сдастся мне, эта рыбка чего-нибудь да стоит!

Застучали секиры: гранны вырубали крючья, освобождая «Змея». Часть дружины осталась на «Бобре» присматривать за пленными, которые сбились в кучу у мачты, остальные разобрали весла. На легкой волне «Змей» двинулся вслед за Хагиром. Наполовину оглушенный, тот плыл в открытое море, не видя этого, он лишь бессознательно стремился оказаться подальше от корабля. Плыть было тяжело, мокрая одежда сковывала движения. Когда сверху вдруг упала сеть, Хагир даже не понял, что это такое. Он забился, как рыба, и чуть не пошел ко дну, но трое граннов прыгнули в воду и, подцепив сеть тем же железным крюком, помогли поднять его на борт.

Хагир упал на днище «Змея», ударился головой о край скамьи. Сквозь огненные пятна в глазах и напористый шум крови в ушах он даже не мог разобрать, что с ним происходит.

– Пусть так и лежит, – проскрипел над ним голос Вебранда. – Нет, пока не распутывай! Правь к берегу, ребята. Там посмотрим, что за птицу-рыбу мы поймали!

Длинный летний день шел к концу, между стволами берез на опушке уже висели густые серые сумерки, пламя костра делалось все более и более плотным и ярким. Оба корабля, с изрубленными и залитыми кровью бортами, были вытащены на берег и стояли рядом, как братья. Но участь их хозяев оказалась различна: усталые и довольные гранны сидели вокруг костра и варили кашу в большом железном котле, а усталые и подавленные квитты лежали на жесткой каменистой земле чуть поодаль. Несколько тяжелораненых стонали в забытьи, но перевязать их пока не получалось: победителям было не до того. От дружины Стормунда Ершистого осталась едва половина.

Хагир, с которого сняли сеть, заменив ее веревкой, то и дело поглядывал на опушку смешанного, елово-березового леса. Возле него на берегу лежали связанными тринадцать человек, да сам он четырнадцатый. Не может быть, чтобы из дружины «Бобра» больше никого не осталось! Было тридцать девять человек, не считая самого Стормунда. Ближе к воде гранны сложили убитых, и в квиттинской куче оказалось восемь или девять тел, точнее Хагир со своего места не мог рассмотреть. Когда мертвые лежат вместе, вообще трудно определить, где чья рука, нога, спина, голова... Он никого не мог узнать, и от этого боль потери пока не ощущалась. Но это же и давило: люди, знакомые, как братья, вдруг стали неразличимыми, неузнаваемыми, не людьми вовсе... Война была младше Хагира всего на девять лет, он нагляделся на мертвых, но все никак не мог привыкнуть.

Значит, восемь убитых (он предпочитал думать, что все же восемь, а не девять), четырнадцать пленных, – выходит двадцать два. Даже этот простой подсчет давался Хагиру с трудом, и он старался думать спокойно, чтобы не ошибиться. Где-то должны быть еще семнадцать человек. Не провалились же они сквозь землю... То есть воду.

Кто-то мог спрыгнуть с корабля и доплыть до берега. Сейчас не зима, Середина Лета миновала совсем недавно. Если только они соберутся вместе... Хагир только и думал, что об этих семнадцати, и каждый миг ждал, что они так или иначе дадут о себе знать. Конечно, граннов гораздо больше – у трех костров расположилось человек сорок. Но смелый, как известно, добьется победы и неточным мечом. А в смелости товарищей Хагир не сомневался. Как и в том, что сам на их месте непременно постарался бы что-нибудь сделать. Вразуми его Один плыть не в море, как слепой щенок, а к берегу... Альмунд Жаворонок... Среди пленных его нет и среди мертвых не видно. Альмунд живучий...

– Альмунда не видел? – Хагир незаметно толкнул плечом Лейга, лежавшего рядом с ним.

Лейг шепотом взвыл. Скосив глаза, Хагир увидел, что весь бок у того залит засохшей кровью, а на уровне локтя набухает совсем свежее красное пятно. Фенрир Волк!

– Глубоко? – шепнул Хагир.

Лейг со свистом втянул в себя воздух.

– Я его... видел... В воду... Был живой... – с перерывами прошипел он, отвечая на вопрос об Альмунде. – Еще Стормунд был...

– Стормунд живой, – ответил Хагир. – Вон он.

В самом деле, квиттинского вождя гранны положили отдельно от мертвых и перевязали ему голову, что мертвецу, понятное дело, ни к чему. Когда его перенесли на берег и сняли с него шлем, оказалось, что череп у него цел, а кровь хлещет из раны над бровью. Вебранд распорядился его перевязать и даже наломать лапника на подстилку.

– Люблю таких врагов! – громко рассуждал он. – До чего весело глядеть на их ужимки, хе-хе! С этим Одним сражений³ мы еще не раз повеселимся! Может быть.

Безусловно, Хагир обрадовался, что его вожак жив – за восемь лет в его дружине он привык к Стормунду и его семейству как к родным. Именно поэтому он даже не удивился, заметив, что Стормунда перевязывают: в смерть близкого человека так же не верится, как в свою собственную. Но предполагать, что же их ждет, Хагир был не в состоянии: голова казалась похожей на железный котел – тяжелая, а внутри пустая. Веревка впивается в онемевшие запястья, лежать на камне неудобно и больно, мыслей никаких. Только ждать, чем все это кончится. Великий Один, не отвернулся же ты от последнего из Лейрингов навсегда? Гороховой кашей с салом пахнет... От запаха еды сразу стала ощутима жуткая пустота в желудке, но при том не менее жутко замутило. Воды бы...

Хагир закрыл глаза, но тут же открыл опять: шум и говор от костра приблизились. Вебранд Серый Зуб покончил с кашей и теперь хотел осмотреть свою живую добычу. Кое-кто из его людей пошел за ним, остальные наблюдали от костра: было еще достаточно светло.

– Ну, вот, – сипло шепнул кто-то рядом.

Отталкиваясь плечом от земли, Хагир попытался сесть, но собственное тело казалось тяжелым, непослушным и разболтанным, как мешок с камнями. Однако встречать Вебранда лежа он не собирался, и к тому времени, когда тот дошел до него, Хагир уже сидел на земле, потряхивая головой, чтобы отбросить с лица грязные и мокрые волосы. Подсохнув, одна прядь прилипла к щеке, и стряхнуть ее не удавалось. Хагир терся щекой о плечо, глядя на приближающегося Вебранда. В сумерках, при взгляде снизу, тот казался каким-то горным великаном. Хагир смотрел на него со злобой: такое жестокое и неопровержимое поражение он переживал, пожалуй, впервые в жизни и воспринимал его скорее с досадой, как недоразумение, чем с горечью и страхом. Не верилось, что он в руках врага и совсем ничего не может сделать. Подумалось: «Хорош же я сейчас! От вида такой „добычи» испугаться можно!»

Но Вебранд не испугался.

– Ну, что, в глазах прояснилось? – ехидно спросил он, остановившись над Хагиром с небрежно-гордым видом, расставив локти и засунув большие пальцы рук за пояс. – Теперь отличаешь море от берега? Хе-хе! Нет, ты бы поглядел, как ты плыл!

Хагир молча смотрел ему в лицо снизу вверх, и почему-то главным его впечатлением было: до чего же скрипучий и противный смех у Вебранда Серого Зуба! Прямо как у старухи. Ядовитый, ехидный... С виду в нем не заподозишь известного всему Морскому Пути бойца: вполне обыкновенный человек от сорока пяти до пятидесяти лет, среднего роста и не слишком могучий, веки лениво полуопущены, нос широкий, с вогнутой спинкой и смешно приподнятым кончиком. Короткая борода на щеках совсем побелела, на подбородке сохранилось пятно темных волос. Длинные полуседые волосы были сзади связаны в хвост, доходивший до лопаток, серый, пышный и напоминавший волчье «полено». Вид, в общем-то, заурядный и даже простецкий, но подозревать Вебранда в простоте не приходилось, и эта обманчивость казалась жуткой, как оборотничество. Именно такая-то мнимо простодушная ехидна и способна на любые причуды, до которых иной грозный воин вроде Стормунда никогда не додумается. Например, поймать живую гадюку и... Ну его.

– Так... – Вебранд окинул пленников взглядом и мгновенно пересчитал их. – Четырнадцать. Да ваш неудачливый вожак – пятнадцать. Если за каждого взять по марке серебра, будет пятнадцать марок. Так?

– Не каждый день... – хотел сказать Хагир, но вместо голоса из горла вырвался какой-то невнятный хриплый рык. Судорожно кашлянув и сглотнув, он упрямо начал сначала: – Не каждый день встретишь человека, умеющего так хорошо считать.

³ Кеннинг мог использоваться и для обозначения человека или предмета, и как обращение.

– Ась? – Вебранд с преувеличенным вниманием наклонился к нему.

Сейчас Хагир во всех мелочах видел его лицо с бледной кожей и все не верил, что это не дурной сон. Глаза серые, водянистые, взгляд кажется неуловимым и каким-то расплывчатым, как будто глаза повернуты к тебе обратной стороной. Может быть, Вебранда и не зря зовут полуоборотнем... Ну, еще бы! Если кто-то тебя победит, то поневоле увидишь в нем мощь великана с мерзостью тролля.

Вебранд тоже разглядывал пленника – продолговатое лицо с прямоугольным широким лбом, с высокими скулами, как у многих квиттов. На переносице маленькая горбинка от старого перелома: в дружинах такую найдешь у каждого второго. Густые черные брови, а взгляд напряженный и скрыто-негодующий: как же, меня, такого доблестного, поймали сетью, как селедку!

– Надо же, какой ты смелый! – насмешливо восхитился Вебранд. – На Квартинг, на рабский рынок, не хочется? А? Есть у меня там один хороший приятель, Сэбьёрн Говорун, так он торгует рабами с большим размахом – завезет вас в такие земли, где люди с тремя ногами и двумя головами. А? Хочешь?

– Конечно, это любопытные места, – хрипло, но вполне спокойно заметил Хагир. – Не каждому повезет забраться так далеко.

Сейчас ему очень хотелось, чтобы трехногие люди оказались пьяными выдумками, но неприятная возможность проверить самому делалась все ближе.

– А может, не возиться? – сам у себя спросил Вебранд. – Лучше посадить вас в рядок и всем посшибать головы – простенько и быстро. А? Знаешь, был один такой конунг: он тоже попал в плен вместе с дружиной и попросил, чтобы его людей выстроили в ряд и отпустили потом всех, мимо кого он успеет пробежать с отрубленной головой. Не помнишь, сколько шагов он успел сделать?

– Десять, – ответил Хагир. Эту сагу он слышал еще в детстве, и не Вебранду было состязаться с одним из Лейрингов в знании древних героев. – А знаешь еще про одного, который считал серебро, когда ему вздумали отрубить голову?

– И голова сказала: «Десять»! – Вебранд пригнулся, хлопнул себя по бедрам и захохотал.

Его смех так неприятно резанул слух, что Хагир закрыл глаза. Нет смысла испытывать твердость его духа такими разговорами: он так отупел от усталости, что просто не может взять в толк: к нему и к его собственной голове все это имеет удручающе-прямое отношение.

– А ты крепкий парень, как я погляжу! – заявил Вебранд, отсмеявшись. – Откуда взялся на вашем паршивом Квиттинге такой сведущий в древних сказаниях и твердый духом герой? Прямо Гуннар в змеином рву! Кто ты такой? Уж не брат ли ты этому шумному дураку?

– Нет. – Хагир мотнул головой и невольно поморщился: изнутри в лоб толкала сильная боль. – Я – Хагир сын Халькеля. Из рода Лейрингов. Слышал?

– Как не слышать? – Вебранд обрадовался, как будто речь шла о его собственной родне. Понятное дело, знатность пленника прибавляет чести победителю. – Род последнего конунга квиттов, как не слышать? Гримкель Черная Борода хоть и не самый славный конунг, но последний – такого будут помнить! С чего же ты взялся служить этому морскому быку? – Он небрежно кивнул туда, где лежал Стормунд. – Неужто получше не нашлось? Такой знатный человек может служить только конунгу? А?

– Ничего подобного. На службе у конунга я бы чувствовал себя униженным. А служба простому человеку унижить меня не может. Там я всего лишь беднее... Не настаиваю, чтобы ты это понял.

– Хе-хе! – Вебранду было очень весело. – Да ты никак считаешь меня дураком? Зря, зря! Я как раз очень все это понимаю! Хочешь жить? – Вебранд с любопытством заглянул в лицо Хагиру, будто спросил о чем-то очень забавном и необычайном.

– Я мало видел таких, кто не хочет, – прямо ответил Хагир. – И я хочу. Но это не значит, что я приму свою жизнь в подарок от кого попало. Не знаю, стоит ли твой род того, чтобы я принимал от тебя такие дорогие подарки?

– Э, да ты горд, как сам конунг! – воскликнул Вебранд и сел на камень. Поёрзал, устраиваясь поудобнее, как будто намеревался беседовать до утра. – Вернее, как пятнадцатилетний сын конунга, который пошел в свой первый поход без воспитателя, оказался разбит и теперь предпочитает смерть, лишь бы не показываться на глаза дочке своей кормилицы... А тебе вроде больше пятнадцати?

– Мне двадцать шесть. А в свой первый поход я пошел в одиннадцать. Так что детское самолюбие я давно уже пережил.

Вебранд смотрел на него, вычисляя года и вспоминая, что происходило пятнадцать лет назад. Хагир молчал, не трудясь ему помогать. Любопытно, где обретался сам Вебранд тогда, пятнадцать лет назад? Той осенью, когда фьялли захватили Острый мыс и сестра Борглинда послала Хагира предупредить Гримкеля конунга. Он сделал все, что было под силу одиннадцатилетнему мальчику: выбрался из усадьбы, добежал до Лисьего мыса, обменял золотое кольцо на лошадь и один, без провожатых, доскакал до Ступенчатого перевала, где родич Гримкель ждал врага в засаде – не зная, что враг тем временем приготовил ему засаду в его собственном доме! И если несколько дней спустя Гримкель конунг отдал меч фьялльскому ярлу, Хагир не был в этом виноват.⁴ И тогда же он ушел с Острого мыса вместе с теми, кто отдать оружие не пожелал. В одиннадцать лет он уже знал, какой выбор должен сделать мужчина из рода Лейрингов. Так что, если эта странная беседа и кончится отделением его головы от тела, ему нечего бояться смерти. Он заслужил право сидеть в палатах Властителя, и его предки не будут его стыдиться. Но... Хагир сжал губы, как от боли. Если он сейчас погибнет, то род Лейрингов останется неотомщенным навеки. О них так и будут рассказывать: пропали... вымерли... Если вообще не забудут их.

А вслед за этим, как на веревочке, пришло и поистине жуткое ощущение. Шелест березы на опушке, свежий запах летних трав... Одурачивающий запах, на память приходят празднества Середины Лета, вечерние пляски возле костров, песни и бочки с пивом прямо на земле, смех женщин, блестящие глаза девушек. И волосы у них как эти летние травы – густые, прохладные и душистые... Дым от костра, скрип песка под ногами людей, плеск волны в прибрежных камнях. Душистое тепло летнего вечера и прозрачные, ненастоящие, шутливые сумерки, когда кажется, что весь мир принадлежит тебе... Ощущения жизни вдруг вскипели и переполнили все существо Хагира с такой дикой, всепоглощающей силой, что от неудержимого желания жить защипало глаза. Чего еще не хватало! Злясь на себя, Хагир сжал зубы, чтобы загнать это желание жизни опять в глубину, задавить, хранить тупую невозмутимость, не хотеть, быть бревном – бревну умирать не страшно!

Хагир опустил голову, чтобы Вебранд не увидел его внезапно ожесточившегося лица и не догадался о его чувствах. А то будет потом рассказывать, что последний из Лейрингов расплакался и просил о пощаде... Не дожدهшься, троллиный выкидыш! Мысль о чести рода помогла Хагиру взять себя в руки, и он поднял голову, глядя перед собой спокойно, лишь чуть более озлобленно, чем раньше. Но злость перед лицом врага не опозорит.

– Значит, чтобы тебя помиловать, я недостаточно знатен! Хе-хе! – Не выдавая, вспомнил ли чего-нибудь, Вебранд покрутил головой. – А чтобы убить тебя, мне, выходит, знатности хватит? Ты так рассуждаешь?

– Меня убьет судьба, а не ты. – Хагир с трудом повел плечом, затекшим под крепкой веревкой. – Бывало и хуже. Был, я слышал, один конунг, которого в звериной яме обезглавил раб. Но от этого конунг не перестал быть конунгом, а раб – рабом.

⁴ Подробно об этих событиях рассказано в романе «Корни гор» (книга первая, «Железная голова»).

– Ну, уж это ты хватил! – оскорбленно прикрикнул Вебранд. – Мой род, конечно, не давал Морскому Пути конунгов, но и рабов среди нас не было! И не будет! Мой отец был оборотнем! – с заметной гордостью выложил граннландец. – Такого и у Лейрингов не бывало, а? Каждую ночь мой отец становился волком, хотел он того или нет. И убегал в лес. Он разогнал народ со всей округи, так что его стадам было где пастись. Его все боялись и платили ему дань, а нашу округу так и звали – земля Ночного Волка.

– Трудновато, я думаю, ему было найти себе жену, – поддразнил Хагир.

– Он их добыл пять или шесть, – ворчливо просветил Вебранд. – Правда, из детей выжил я один.

– Это, конечно, большая удача! – устало сказал Хагир и уточнил: – Что только ты один.

– Хе-хе! А ты мне нравишься, парень! – Вебранд наклонился со своего камня и похлопал Хагира по плечу. Рука у него была очень тяжелая, и обессиленный Хагир покачулся. – Твоему горластому вождю не слишком повезло с умом, но с дружиной ему повезло. Хотел бы я знать, будешь ли ты ему верен, если я тебя отпущу?

Хагир промолчал. Мелькнула смутная мысль, что Вебранд хочет переманить его в свою собственную дружину. Да нет, не то. А сомнение в его верности вождю надо считать оскорблением. Едва ли это спрашивается всерьез. Но намек на возможную свободу подействовал сам по себе: внутри души как будто раскрылись какие-то ворота, загоняемая вглубь жажда жизни вдруг прорвалась, душу залило ликование, кровь побежала быстрее. Хотелось дышать глубоко и жадно, точно предстояло набраться сил на всю предстоящую долгую жизнь.

– Если твоего вожак отвезти на Квартинг, там мне за него дадут полторы марки, не больше, – рассуждал Вебранд. – Я придумал получше. Я продам его собственной родне. Смогут они набрать десять марок серебра?

Хагир неопределенно двинул бровями. В усадьбе Бьёрклунд не набралось бы и двух. Но говорить об этом не стоит. Что такое две марки серебра по сравнению с целой жизнью?

– Я отпущу тебя, если ты пообещаешь привезти мне выкуп за него, – продолжал Вебранд. – Десять марок. И забирай своего крикуна. А если денег нет, то привези мне его дочь. У него есть дочь?

Хагир мотнул головой.

– А жена?

– Жена есть. Молодая и красивая.

– Ну, тогда жену! – Вебранд с довольным видом хлопнул себя по коленям и захихикал. – Тоже подойдет. Если не врешь, что молодая и красивая.

– И не думаю. Но только об его жену ты можешь обломать зубы.

– А это мы посмотрим! – радостно пообещал Вебранд и махнул своим людям: – Развяжите его!

Сразу двое граннландцев присели возле Хагира и принялись распутывать веревки.

– Я думаю, ты меня не обманешь, – рассуждал их вожак. – Знаешь, где меня найти? Моя усадьба в четырех днях пути от Драконьего фьорда на восток, если с попутным ветром, а на веслах все восемь будет. Спросите там – Вебранда, сына Ночного Волка, каждый пень знает! Я подожду до Середины Зимы. А если до тех пор выкупа не будет, твой славный хозяин поедет на рабский рынок. Ох, за полгода он сожрет столько, что полторы марки себя не оправдают!

– Так или иначе, к Середине Зимы я успею, – заверил его Хагир, сидя на земле и неловко потирая затекшие руки.

Отчего же не успеть? Хагир не представлял, где возьмет десять марок серебра, но сейчас эта задача не омрачала его радости. Заново обретенная жизнь показалась прекрасной, свежий воздух летнего вечера сам лился в грудь, все казалось возможным. Что может быть трудного для человека, у которого голова на плечах и руки развязаны? Поднявшись, Хагир покачулся: голова стремительно поехала по кругу, ноги казались чужими и деревянными. Какой-то гран-

нландец, снисходительно смеясь, подхватил его под локоть, и Хагир сам готов был смеяться над собой. Сдерживался он только из-за того, чтобы Вебранд не увидел его веселья.

Десять марок серебра – какая ерунда! Отчего же за целых полгода не раздобыть каких-то жалких десять марок, если ты живой?

В один из последних дней «жаркого месяца»⁵ в усадьбу Бьёрклунд явился гость. Стоял теплый полдень, все двери в доме держали открытыми, так что без огня было светло и ветерок заносил даже в девичью запах близкого моря. Хозяйка с сестрой кроили рубахи; услышав со двора крики, что кто-то едет, Бьярта и Тюра разом вскинули головы и глянули друг на друга.

– Едет! – взволнованно повторила фру Бьярта. – Едет, кто-то едет, ты слышишь? Новости! Это наши новости едут!

Бросив ножницы, Бьярта бегом кинулась из девичьей, задела кусок полотна и сбросила его на земляной пол, но даже не оглянулась. Это она-то, прилежная и бережливая поневоле хозяйка Березняка! Каждый день они с Тюрой вынимали руны,⁶ и вот сегодня им были обещаны новости. Тюра подхватила с пола недокроенный клин, бросила его обратно на стол и побежала за старшей сестрой.

Усадьба стояла на высоком пригорке, и от ворот открывался широкий вид. С одной стороны луговина кончалась склоном, позади которого блестела вода Березового фьорда – под склоном на отмель вытаскивали корабли, и там же стоял, невидимый отсюда, корабельный сарай. С другой стороны тоже тянулись пастбища и упирались в дальний лес на холмах. Над береговым склоном вдоль рассыпанных больших и малых валунов тянулась натоптанная тропа, взбиралась на пригорок к усадьбе, петляя между тонкими редкими березками. Собственно, никакого березняка, кроме этих березок, возле усадьбы Бьёрклунд не было, но благодаря им название держалось. Сейчас они еще зеленели, но кое-где мелькали, как солнечные блики, первые пожелтевшие листья.

На тропе виднелись фигуры трех всадников. Прикрывая рукой глаза от солнца, Бьярта силилась поскорее разглядеть гостей, и сердце ее стучало: хоть бы что-нибудь узнать! Любые новости будут лучше неизвестности. Пять месяцев Стормунд в походе – за это время можно весь Морской Путь проплыть, а он собирался гораздо ближе! Тот торговец, которого он взялся провожать, намеревался плыть не дальше Эльвенэса – не рукой подать, но и не так же долго! Конечно, ему могла подвернуться новая возможность, а он – человек увлекающийся, но... Но не может же он забыть, что жена ждет его дома!

– Это всего-навсего Ульвмод, – разочарованно сказала у нее за спиной Тюра. – Нечего было бегать.

– Да уж, этот пень хорошего не скажет. – Бьярта с досадливым вздохом опустила ладонь и сложила руки на груди. – Но уж теперь надо встречать, раз вышли.

Ее правильное строгое лицо стало замкнутым и недружелюбным: от соседа новостей о Стормунде ждать не приходилось, и Бьярта не могла ему простить своего разочарования. Любят же иные люди бегать по гостям, будто им дома делать нечего!

Ульвмод Тростинка из усадьбы Овечий Склон получил свое прозвище, как иногда бывает, «наоборот», потому что отличался изрядной толщиной, а к пятидесяти годам так располнел, что с трудом ездил на лошади и нечасто выбирался из своей усадьбы. Но и мысленные попреки Бьярты были не совсем несправедливы, потому что Березняк он навещал чаще других. У прижимистого Ульвмода водилось немало разного добра, и размашистый Стормунд бывал ему что-то должен почти постоянно. Правда, сейчас Бьярта поджимала губы со вполне законным презрением: со старыми долгами они расплатились, а новых сделать еще не успели.

⁵ То есть августа.

⁶ Простейший способ гадания по рунам, когда из общего набора вынимается одна, и по ней судят, чего ждать от предстоящего дня.

Подъезжая, Ульвмод еще издали приветливо кивал. Его широкое, с крупными чертами лицо раскраснелось от долгого пути, но маленькие голубоватые глазки из-под морщинистых век с удовольствием разглядывали двух женщин у ворот. Фру Бьярте сравнялось тридцать лет, а сестре ее – на два года меньше, и обе они, среднего роста, стройные, с приятными чертами лица, смотрелись двумя березками. А Ульвмод Тростинка был не из тех, кто с годами делается равнодушен к женской красоте.

– Приветствую тебя, Бьярта дочь Сигмунда! – с трудом дыша, выговорил он, приблизившись к воротам. – Да будет всегда мир и достаток в твоём доме... Хм!

Один из его людей помог хозяину сойти на землю, и Ульвмод придерживался рукой за седло, стараясь отдышаться.

– Приветствую тебя, Ульвмод сын Ульварда, – с холодной вежливостью ответила Бьярта. – Я рада таким знатым гостям... особенно когда они приходят так неожиданно.

Ульвмод пошарил взглядом возле хозяйки, но Тюра исчезла. Только ее дочка, восьмилетняя Аста, мельком выглянула из-за спины тетки, задорно глянула на толстого соседа и снова спряталась.

Бьярта провела Ульмода в гридницу и усадила. В доме казалось пустовато: работники были в поле, только женщины переговаривались и стучали ножами в кухне, да три-четыре хирдмана в углу гридницы играли в кости. Ветер зрелого позднего лета гулял из одного покоя в другой, точно сам старый дом дышал полной грудью, стараясь надышаться перед долгой душевной зимой, когда все двери закроют и под крышами день и ночь будут дымить очаги.

После светлого дня полумрак в гриднице давал отдых глазам, а разглядывать тут было нечего: ни ковров, ни узорных досок не имелось, скамьи и изрезанные ножами столы потемнели от времени, столбы потрескались, и резьба снизу пострадала от долгих лет. Кое-где из щелей между бревнами торчали клочки мха: шестилетняя Кайя, хозяйская дочка, любила выковыривать мох, а заботливая Аста не всегда успевала запихать его обратно. Возле очага играли котята, служанка подогревала кашу для детей в маленьком бронзовом котелке с тремя ножками в виде овечьих копыт, который не вешали над огнем, а ставили прямо в угли. И этот котелок грел кашку еще для тех детей, поминальные камни которых уже наполовину вросли в землю.

– О твоём муже, как видно, еще нет вестей? – Ульвмод огляделся, словно ждал, что вести будут развешаны по стенам, но там виднелись лишь пустые крючья для оружия. – А ведь уже полгода, как он ушел в поход, так? Ему уже можно бы и вернуться!

– Морской Путь велик! – досадливо ответила Бьярта. Всегда-то этот жирный тюлень норовит ужалить в самое больное место! – И не полгода, а пять месяцев – он ушел после Праздника Дис! Значит, поход складывается удачно, раз он не спешит возвращаться!

– Да уж! – Ульвмод провел ладонью по взмокшему лбу и вытер ее о колени, ухмыляясь в бороду. Широкая и густая борода оставалась светлой, и только возле самых уголков рта можно было разглядеть две рыжие, седеющие прядки. – Это хорошо, если поход складывается удачно! Значит, вам будет чем платить дань, когда Асвальд Сутулый явится опять! Не то что в прошлом году...

– Чтоб великаны взяли Асвальда Сутулого и весь его род! – вспомнив прошлый год, Бьярта в досаде ударила себя кулаком по колену. – И все их тролльное племя!

Ульвмод негромко засмеялся.

– Приятно видеть женщину в таком решительном расположении духа! – одобрил он. – В этом ты и мужу не уступишь! Да, мужу... Видно, он с теми купцами заплыл далеко! А может, нанялся в дружину к какому-нибудь конунгу?

– Мой муж сам знает, что ему делать! – Бьярта уколола соседа сердитым взглядом. – Легко рассуждать, сидя дома! Тебя, Ульвмод, надо прозвать не Тростинкой, а Восточной Кукушкой! Хоть бы раз ты сказал о чем-нибудь приятном!⁷

– Я хотел бы сказать что-нибудь приятное, но... А, вот и ты, Гевьюн ожерелий!

Обернувшись на легкий шум шагов, Ульвмод увидел Тюру с ковшиком пива в руках. Ковшик был простой, деревянный, под стать ее серой рубаше и некрашеному платью с бронзовыми застежками. Но Ульвмод расплылся в улыбке, так что его проницательные и насмешливые глаза спрятались в морщинах: серое вдовье покрывало лишь подчеркивало свежесть и миловидность лица Тюры, и каждое ее движение было полно такой мягкой, изящной прелести, что никакая жена конунга в роскошных цветных нарядах не показалась бы Ульвмоду лучше. Она была как березка, что плавно поигрывает ветвями на летнем ветерке – загляденье. Любой, у кого есть глаза, сразу скажет: эта женщина достойна лучшей участи!

– Ты устал по дороге, выпей пива! – приветливо сказала Тюра, подавая ему ковшик. – Да не вставай, сиди!

Ульвмод, правда, лишь сделал вид, что хочет встать ей навстречу, и с готовностью расслабился опять.

– Я подумал, что, может быть, ты захочешь в придачу к пиву наградить меня поцелуем! – лукаво щурясь, ответил он. Тюра засмеялась, и он добавил: – Был ведь такой обычай в старину, ты знаешь?

– В старину жизнь была совсем другая! – одернула его Бьярта. – Тогда в гости не ходили без подарков!

Не то чтобы она уж очень жаждала от Ульвмода подарков (ведь болтали, что от его покойной жены осталось много всяких украшений, а здесь не одна Тюра заслуживала лучшей участи!), но Бьярте было тошно смотреть, как старый расплывшийся тюлень заигрывает с ее родной сестрой. И Тюра могла бы держаться поосторожнее, а то она все улыбается по простоте, а он сейчас невесть что вообразит!

– А нам теперь не до старинных обычаев! – продолжала она. – Нам бы найти, чем дань заплатить! Тебе-то, Ульвмод, наверное, не о чем беспокоиться? У тебя-то всегда что-то припасено!

– Да, как водится. – Ульвмод со скрытым довольством кивнул. Отпив из ковша, он поставил его на колени, придерживая обеими руками. – У меня есть на дань, и даже найдутся подходящие дары для благородной женщины... если я вдруг надумаю жениться.⁸ Все ведь может быть, правда, Тюра?

Он слегка подмигнул вдове, и Тюра с мягким смущением рассмеялась. У нее было такое лицо, что улыбка не просто шла ему, а казалась его неотделимой частью. Что-то мягкое, любовное просвечивало в каждой ее черте, и всякий, на кого она бросала взгляд, сразу чувствовал себя согретым и обласканным. Всегда спокойная и приветливая, Тюра никогда не злилась и не досадовала, как будто все жизненные невзгоды проходили мимо, ее не касаясь. Но именно она-то и была сердцем всех домашних забот: она кроила домочадцам одежду, ставила хлеб, лечила скотину, мирила ссорящихся, утешала опечаленных, разгадывала сны, возилась с детьми, выхаживала больных – казалось бы, когда ей еще улыбаться? Ульвмод уверял, что такого пива, как она, не умеет варить никто в трех днях пути во все стороны (дальше ему не случалось бывать). День-деньской Тюра хлопотала; другая бы твердила, что с ног валится, а благодарности не видит, но при взгляде на Тюру возникала только одна мысль – вот счастливая женщина! Счастливое состояние духа – гораздо большее богатство, чем ожерелья и кольца, и

⁷ По народным поверьям скандинавов, голос кукушки с востока предвещает несчастье.

⁸ Имеются в виду свадебные дары, которые, по обычаю, муж делал жене при заключении брака и которые оставались в ее личной собственности.

Тюра дочь Сигмунда своим примером доказывала это каждый день. И несмотря на то что ее муж четыре года назад погиб в море, после чего она и перебралась жить к сестре, никому и в голову не пришло бы назвать ее «хель», прозвищем вдовы. При взгляде на нее сразу хотелось улыбнуться, и многим казалось, что вдовье покрывало ей совсем не идет.

Разговор о сватовстве Тюра не поддержала, а, напротив, намекнула, что гостю пора бы объявить цель своего приезда.

– Наверное, нелегко тебе было выбраться из дома, когда в большом хозяйстве столько забот! – сев на скамью, заметила она. – Как ты управился с жатвой? Нет ли каких-нибудь новостей?

Ее дочка, Аста, приткнулась рядом и взяла мать за руку. Ульвмод еще некоторое время разглядывал их, очень похожих друг на друга, потом повернулся к Бьярте:

– Ты тут сказала, хозяйка, что в гости надо ездить с подарком. Так у меня есть подарок...

– Не может быть! – фыркнула Бьярта. – А я думала, скорее камень поплывет...

– И если он не слишком придется тебе по вкусу, – в свою очередь перебил ее Ульвмод, – то моей вины тут нет, видят Светлые Асы!

– Ну, вот! – Бьярта снова хлопнула себя по колену и глянула на сестру чуть ли не обвиняюще. – Что я тебе говорила! Восточная Кукушка! Никогда он просто так не приедет! Ну, что ты в этот раз накукуешь?

– Не спеши награждать меня прозвищами, Фригт непокрытых скамей! – Ульвмод умел дать отпор ее ратному пылу, и его голос посуровел. – Пока не ты, а твоя сестра одарила меня ковшом пива, так что не тебе, а ей давать мне новые прозвища.⁹

– Что ты узнал, Ульвмод? – мягко спросила Тюра. Теперь она не улыбалась, в ее серо-голубых глазах появилась тревога. – Фьялли?

– Нет пока что. Другое. – Ульвмод мельком подарил ей успокоительный взгляд и тут же глянул на Бьярту с прежней суровостью. – Я узнал, что кто-то из ваших людей застрелил мою овцу.

– Что ты несешь? – совсем не вежливо возмутилась Бьярта. – Застрелил твою овцу! Моим людям нечего делать, ты это хочешь сказать? Тебе сон приснился после той браги, что варит твоя старая ведьма Бинне!

– Застрелил мою овцу! – с напором повторил Ульвмод. – И мы ее привезли с собой! Принеси, Ари! – Он кивнул одному из своих людей.

Со двора принесли мертвую овцу с меткой Ульвмода на ухе. Бьярта смотрела на нее с отвращением: прямо в шее животного торчала стрела, белая шерсть вокруг древка потемнела от засохшей крови и слиплась. Хирдманы оставили игру и подошли ближе; челядь потянулась из кухни в гридницу и столпилась у дверей, с любопытством ожидая разъяснений.

– Это что-то новенькое! – Тюра тревожно улыбнулась, надеясь, что все еще можно обратиться в шутку. – Стрелять овцу из лука... Неужели она так сопротивлялась, что с ней надо было обходиться, как с диким зверем?

Челядь начала хихикать в рукава, опасливо поглядывая на хозяйку. Но Бьярте было не до смеха.

– С чужими овцами так и бывает! – сурово ответил Ульвмод. – Чужая скотина для иных как дикий зверь. Ведь это ваша стрела?

– Я знать не знаю этой стрелы! – отрезала Бьярта. – С чего ты взял, что она наша?

Из кухни подошел Эгдир, воспитатель хозяйского сына – высокий, худощавый, угловатый человек лет сорока с рыжей, торчащей клоками бородой. В какой-то из первых битв с фьяллями он был ранен и до сих пор сильно хромал, из-за чего в походы больше не ходил. Присев возле овцы, он взялся за древко.

⁹ По обычаю, наречение именем или прозвищем полагалось сопровождать подарком от давшего имя.

– Эгдир вынул стрелу – теперь он должен мстить за убийство овцы, да? – хихикая, шептала Аста на ухо матери.

– А ты что-то знаешь, да? – шептала в ответ Тюра, хорошо знавшая свою лукавую дочку. – Признавайся! Будешь свидетелем на тинге!

Аста хохотала, будто ее щекочут, и на ее игривом личике отражалось торжество: пока что она знала больше всех и не спешила делиться, наслаждаясь своей осведомленностью.

Но недолго продолжалось ее торжество, потому что Эгдир тоже был не слепой.

– Это... – Осмотрев вытащенную стрелу, он с недовольным и отчасти виноватым видом ткнул в сторону хозяйки грязным наконечником. Работать руками у него получалось гораздо лучше, чем держать речи. – Знаю я эту стрелу, чего ж тут не знать? Это...

– Ну? – гневно и требовательно крикнула Бьярта. – Не тани! Язык-то у тебя не хромает!

– Это... – Эгдир посмотрел на хохочущую Асту, словно сверяясь. – Это его...

– Это Коль! – Асту наконец прорвало. – Я знаю! Я видела! Они с Бьёрном ее подстрелили! Они играли, что она дикая! На выгоне, на горе, где Овечий камень! Она в кусты забралась!

– Коль! – вскрикнула Бьярта, услышав имя сына. – Где он? Найди его! – велела она Эгдиру.

Тот неохотно похромал к двери, зная, что поиски будут бесполезны. Десятилетний Коль отличался сообразительностью и проворством: увидев соседа, он так спрятался, что его теперь три дня не найдешь, пока материнский гнев не остынет.

– Нет, постой! – Бьярта остановила его на полпути. – Где, ты говоришь, подстрелили овцу?

– На склоне, где Овечий камень, – гордо повторила Аста, как свидетель на тинге.

– Где Овечий камень! – Бьярта смерила Ульвмода уничижительным взглядом. – Объясни-ка мне, Ньёрд овечьих стад, что твоя овца делала на моем пастбище?

– Этого я тебе не могу сказать, она меня не предупреждала, – уже не так грозно ответил Ульвмод. – Но даже если она по глупости не заметила межевого камня и забрела на твой склон, это еще не причина, чтобы считать ее «дикой» и убивать!

– А твои пастухи по глупости не могли ее остановить? Какого тролля она забыла на нашем пастбище? – почувствовав себя правой, Бьярта дала волю своему негодованию. – Видно, овцы пошли в хозяина: тоже ищут, как бы им поживиться чужим добром! У тебя у самого хватает пастбищ! И травы в этом году сколько угодно! Нет, своя невкусная! Надо обязательно щипать чужую! Твои овцы и так выбили у меня весь западный склон! И ты еще едешь жаловаться!

– Пока твой мальчишка бил рябчиков и белок чуть ли не возле моей усадьбы, я еще терпел! – выкрикивал одновременно с ней Ульвмод, почти не слушая. – Я думал, он ребенок, а родители его – достойные люди и не допустят... Но теперь он бьет мою скотину! Кто знает, что будет завтра! Может, он меня самого посчитает «диким». Примет за фьялля...

– Да ты и есть дикий! Есть такие квитты, что не лучше фьяллей!

– Я этого так не оставлю! Если ты женщина, это не значит, что я буду выслушивать твои оскорбления! Эта овца стоит пол-эйрира! И ни пеннингом меньше! Платите и забирайте ее себе!

– Не нужна мне твоя паршивая овца! – крикнула Бьярта, в гневе вскочив со скамьи и сжимая кулаки. Ее лицо покраснелось, глаза метали молнии, и она была похожа на валькирию в гуще битвы. – Твои паршивые овцы травят чужие пастбища, и мы еще должны за это платить! Сам забирай свою дрянную овцу, я тебе ни пеннинга за нее не дам! В другой раз следи за своей скотиной!

– Сама следи за своими детьми! – кричал Ульвмод, и лицо его от досады было таким же красным, как недавно от усталости. – Если я его поймаю еще раз возле моей усадьбы...

– Попробуй только пальцем его тронуть! – грозила Бьярта, забыв, что сама только что собиралась оборвать сыну уши за его охотничьи «подвиги». – Ты знаешь, у меня есть муж, и

не тебе, старому борову, чета! У меня есть защитник! А ты хорошо будешь выглядеть, когда мой муж на тинге вызовет тебя на поединок!

Каждый кричал свое, ничего нельзя было разобрать, Аста в показном ужасе зажимала уши руками, Тюра кидалась то к сестре, то к соседу, безуспешно пытаясь вставить слово, подавленный шумом честный Эгдир что-то бормотал, вертя в руках стрелу.

– Богиня Фригг! – в ужасе кричала Тюра, прижимая руки к вискам. Уже до поединка договорились, сумасшедшие!

– Осенью будет тинг, я там все расскажу! – грозил Ульвмод. О поединке он предпочел не слышать. – На тинге люди узнают...

– Иди, иди на тинг и свою тухлую овцу не забудь! А до тех пор чтоб я тебя больше не видела!

Топнув ногой, Бьярта повернулась и бросилась вон из гридницы; дверью девичьей она хлопнула так, что весь старый дом содрогнулся, и Тюра опасливо глянула на крышу.

Опираясь дрожащей рукой о стол, Ульвмод хотел подняться, но Тюра кинулась к нему, схватила за плечи и почти силой усадила обратно.

– погоди, Ульвмод, не торопись! – сбивчиво дыша от волнения, приговаривала она. В противоположность своему воинственному имени,¹⁰ Тюра терпеть не могла ссор, и каждое резкое слово, даже обращенное вовсе не к ней, заставляло ее дрожать. – Пожалуйста, не сердись! – умоляла она, слегка поглаживая широкое плечо Ульвмода. – Ты же ее знаешь: она истинная богиня Скади! Как что ей не нравится, так сразу вызывает на бой! Она расстроена с утра, мы все ждем новостей, а их все нет, весь дом беспокоится! Тут и Гудрун дочь Гьюки не сумела бы совладать с собой! Никто сам себе не творец, ты же понимаешь! Ты же умный человек, ты повидал жизнь, ты не станешь ввязываться в глупую ссору с женщиной! Дай я еще налью тебе пива! Тебе нельзя выходить таким разгоряченным! Хоть и не зима, а с моря дует ветер! Успокойся! Все уладится!

Ее старания не пропали даром: Ульвмод больше не пытался встать, дыхание его замедлилось, гневные морщины на лбу разгладились, краска понемногу отлила от лица.

– Конечно, мальчишка... – бормотал рядом Эгдир, жалея, что недоглядел за питомцем и позволил ему вызвать такую кутерьму. – Он же...

– Они с Бьёрном поспорили, что он одним выстрелом убьет овцу! – доложила Аста. В отличие от матери, она просто наслаждалась шумной ссорой взрослых. – Они поспорили, только свою овцу нельзя, а тут была чужая, и Коль сказал, что она дикая! А потом они разглядели метку на ухе и убежали! А я все видела!

– Прости нас, Ульвмод! – уговаривала Тюра. – Нельзя допустить, чтобы взрослые разумные люди ссорились из-за глупых детских шалостей! Конечно, овцу жалко, но ты ведь сам можешь ее съесть. Мы бы заплатили тебе пол-эйрира, но, ты понимаешь, у нас совсем нет серебра. Я не знаю, как мы будем платить дань. Если бы у нас был хоть пеннинг лишний, неужели, ты думаешь, Бьярта отпустила бы Стормунда в море? Ты же его знаешь: никогда не угадаешь, что он придумает. На словах он всегда согласен, что надо быть благоразумным и думать, что делаешь, а как дойдет до дела, так у него все вылетает из головы, и... Понимаешь, мы...

– Да уж, это я все понимаю! – Ульвмод совсем успокоился и возгордился, что он умнее соседа. – Конечно, от одной овцы я не обеднею. Ее и правда можно съесть. Но только чтобы ваш мальчишка...

– Конечно, конечно! – обрадовалась Тюра. – Эгдир поговорит с ним. Он больше не спутает твою скотину с дикой. Правда, Эгдир?

¹⁰ Женское имя Тюра происходит от имени бога Тюра, отважного и воинственного.

– Я знаю, где он прячется! – Аста с готовностью подпрыгнула на месте. – Сказать ему, чтобы вылезал?

Тюра кивнула, и Аста умчалась. Хромая, Эгдир ушел вслед за ней, челядь понемногу расходилась, видя, что самое занятое кончилось. Хирдманы в углу опять загремели игральными костями по доске.

Ульвмод накрыл тяжелой ладонью руку Тюры, которую она поспешно выдернула. Это уже было лишнее.

– У меня много овец! – повторил Ульвмод, значительно глядя на Тюру, и она отвела глаза. – И если бы какая-нибудь молодая вдова надумала выйти за меня замуж, то у нее всегда нашлось бы и мясо для котла, и красивые платья, и серебряные ожерелья... За приданым я не гонюсь, у меня всего хватает... Я-то сумею позаботиться, чтобы моя жена никогда не тревожилась, где ей взять добра для фьялльской дани... И с Асвальдом Сутулым я не ссорюсь, и нужды в морских походах у меня нет. В моем доме покой и достаток... очень все подходящее для молодой разумной женщины, доброй и приятной нравом... Как по-твоему?

– Ах... – Тюра поспешно встала со скамьи и растерянно оправила передник. – Ульвмод... Ты очень хороший хозяин, кто же этого не знает... Но я...

Она не знала, что сказать: ей все время казалось, что Ульвмод только шутит, намекая на сватовство, но нынешние речи прозвучали слишком уж серьезно. Конечно, спокойный дом и достаток – это замечательно, однако сердце Тюры, при всей его ласковости, совсем не лежало к Ульвмоду Тростинке. Но даже намекнуть на это сейчас, когда необходимое примирение было едва достигнуто, она не решалась.

– Я никого не тороплю, – спокойно сказал Ульвмод. Он понимал, что в свои года и при своей внешности не будет самой подходящей парой для молодой красивой женщины, но все же считал, что при ее бедности и его богатстве они стоят друг друга. А Тюра достаточно умна, чтобы это понять. – Куда мне торопиться? Мне всего пятьдесят четыре года, что бы там ни думали иные. Я могу прожить еще тридцать лет и завести пятнадцать сыновей. Мне некуда торопиться. Я могу подождать хоть до Середины Зимы. А там, после дани, будет видно... кто с чем останется.

– Да, конечно, – бессознательно согласилась Тюра. – Ты, несомненно, прав...

Ульвмод тяжело поднялся и сделал шаг к порогу. Тюра поспешно шагнула вперед, чтобы открыть ему дверь, но дверь вдруг открылась сама, ее потянул кто-то снаружи. Тюра ахнула. На пороге стоял Хагир.

Богиня Фригг! Тюра смотрела на него, как на призрак, и к тому имелись основания: исхудалый, в обтрепанной и грязной одежде, Хагир казался грозным вестником из мира мертвых. Тюра даже не чувствовала радости, не в силах взять в толк, что означает это неожиданное видение. Если бы пришел корабль, этого бы не проглядели... Откуда он взялся? Как из-под земли выскочил!

– Вот это гость! – охнул Ульвмод. – Ты откуда, ясеня мечя? И почему ты один? Где твой славный вождь и все прочие? Где ваш корабль?

Хагир молчал, не замечая Ульвмода и не сводя глаз с Тюры. За его спиной в кухне и во дворе гудели голоса, то и дело раздавался новый потрясенный вскрик.

Тюра шагнула к Хагиру: от растерянности она не находила слов, но ее тревожное недоумение явственно отражалось на лице.

– А Коль застрелил овцу, – донесла Аста, торопясь первой изложить Хагиру самую любопытную домашнюю новость.

– Это хорошо, – по-прежнему глядя на Тюру, ответил Хагир. – Теперь нам понадобятся бойцы. И Колю придется срочно повзрослеть, если он не хочет, чтобы его отец уехал на рабский рынок в качестве товара.

В кухне толпилось с десятков грязных, оборванных, исхудалых хирдманов, которые казались толпой незнакомых бродяг, и даже дети с трудом узнавали родных отцов. При виде их Бьярта вскрикнула от ужаса: воображение мигом нарисовало ей ужасную повесть, не слишком далекую от истины.

– Сормунд жив! – крикнул Хагир, едва завидев ее искаженное лицо. – И еще четырнадцать человек были живы. Что теперь, не знаю. Погодите, сейчас расскажу.

С Хагиром домой вернулись, после почти двухмесячного путешествия, тринадцать человек. Одиннадцать из них он нашел неподалеку от того места, где состоялась его достопамятная беседа с сыном Ночного Волка. Из тех семнадцати, о которых он мечтал, лежа на берегу связанным, уцелело лишь одиннадцать: шестеро остальных, как видно, попали в воду уже ранеными и не сумели выплыть. На прощание Вебранд позволил ему заглянуть в лица убитых, что лежали кучей возле кораблей. «Не волнуйся, я их тут не брошу, я всегда погребаю тех врагов, кому не повезло при встрече со мной!» – утешал его Вебранд. Хагир тупо кивал, глядя в мертвое лицо Ранда Башмака с нелепо заломленными бровями.

Теперь вдова Ранда рыдала в кухне, горько и отчаянно, по-детски всхлипывая и размазывая слезы по румяным щекам. Сирота – по-другому и не думалось о семнадцатилетней вдове. Хагир в гриднице слышал ее плач, хмурился, старался отвлечься и не мог. И таких тут теперь – четырнадцать, но другие женщины чуть лучше владеют собой. А еще есть домохадцы тех одиннадцати, что остались у Вебранда и чья судьба неизвестна... Двух пленников Вебранд отпустил на день позже, чем Хагира, и они догнали остальных примерно на полпути. Но все же поход выдался далеко не самый удачный, и будь проклят тот день, когда они его начали!

– Где вы были так долго? – кричала Бьярта, словно они нарочно медлили с возвращением домой.

– Шли от самых хордов, от Огненного мыса! «Бобер»-то наш остался у граннов! Хорошо, нашелся добрый человек, перевез нас через Туманный пролив до Острого мыса, а то мы вообще бы не добрались! Еще были корабли, шли в нашу сторону, но все были с грузом, всю нашу ораву никто не брал, а разлучаться я считал неумным.

– А еще нас не хотели брать, боялись, что в море перебьем хозяев и захватим корабль! – прибавил Альмунд Жаворонок и с кривой усмешкой оглядел себя. – Я бы тоже так подумал!

Пока вернувшиеся мылись, им достали новую одежду и спешно начали готовить еду. Во всех очагах – в кухне, в гриднице, даже в девичьей – разложили огонь, подвесили котлы, поставили на угли большие железные сковороды с деревянными ручками. Тюра металась по кладовым: хотелось поставить на стол что-нибудь получше селедки с горохом! Эгдир с двумя рабами опаливал на заднем дворе свинью; хорошо бы сварить гороховую похлебку со свиной, Хагир ее любит (да кто же ее не любит, богиня Фриг!), но слишком долго ждать, это уж к ужину, сейчас чего поскорее – жареной сельди, похлебки из репы с пшеном и луком. Когда все уселись за столы, Тюра стояла возле Хагира и подкладывала ему то хлеб, то сало, то рыбу, то кашу, так что ему самому оставалось только жевать. Понимая, что домохадцы не менее жадно ждут новостей, он разрывался между едой и рассказом, урывками принимаясь за то и другое.

Овца и меткий выстрел Коля были забыты, и даже сам Коль сидел в гриднице, несколько не опасаясь за целостность своих ушей. И Бьярта, и Эгдир, и Ульвмод смотрели в рот Хагиру и ловили каждое его слово, забыв обо всем прочем. Бьярта то плакала злыми слезами, то кричала и била кулаками по коленям; Тюра охала и закрывала рот кончиками пальцев, а Ульвмод при каждом новом повороте «песни о пленении Сормунда» заново подавался вперед и тянул короткую шею к рассказчику. Новости так потрясли его, что он даже забыл порадоваться опрометчивости соседа.

– Я же говорила ему, говорила! – причитала Бьярта. – Этот Вебранд... Да любой ребенок знает, что он оборотень! Этот ваш Тресковый фьорд! Я думала, хоть там вы набрались ума!

– Свой ум в чужую голову не вложишь! – посмеивался Ульвмод.

– Ты-то хоть мог бы его остановить! – нападала Бьярта на Хагира. – Ты-то что молчал?
– Остановишь его... – вздохнула Тюра.

– Остановишь его! – повторил Хагир. – Он меня не спрашивал. Да, честно сказать, там было некуда деваться. Вебранд сразу велел убирать парус – он сам собирался драться, и уходить от драки, я бы сказал, было никак нельзя. Он же нас ограбил – неужели ты забыла, что сама говорила в прошлом году? Шерсти на три марки серебром, железа на две, «тихого камня»...

– Железо, «тихий камень»? А теперь я осталась без мужа! О боги, за что нам такое несчастье? Что вы наделали!

– Перестань! – оборвал ее Хагир.

Его радость от возвращения домой сменилась досадой: упреки – не лучшая встреча после неприятного путешествия. Бьярта, конечно, умная женщина, но напрасно она считает, что другие ничего не соображают и нарочно стараются сделать как похуже!

Домочадцы сидели потрясенные и подавленные. Конечно, у Стормунда имелись недостатки, и порой они посмеивались над ним, но все же он был их защитой и опорой, стволем дома, к которому они лепились, как ветки. Как же теперь без него?

– Но он вернется? – тревожно спрашивал Коль. Он все никак не мог уложить в голове, что отец, самый умный и сильный на свете, почему-то не вернулся, и не понимал, что означает его задержка.

– Когда-нибудь, я надеюсь, да, – утешил его Хагир. – Но нам для этого придется потрудиться. Наберем мы десять марок серебра?

Он посмотрел на Бьярту, Бьярта ответила ему упрекающим, почти оскорбленным взглядом. Да это просто насмешка! Откуда дома возьмутся десять марок серебра, если серебро ждали из похода? На кусте вырастут?

– Может быть, продать что-нибудь? – неуверенно подала голос Тюра.

– Разве что землю, – предложил Эгдир. Он тоже знал, что хозяйке нечего продать.

– Те два поля, что у сосняка, я бы купил, – оживившись, вставил Ульвмод. – Они старые, от камней хорошо очищены... Но десяти марок, конечно, не стоят. Надо что-то прибавить. Например, то пастбище, где Овечий камень.

– И чем мы дальше будем жить? – Бьярта гневно глянула на соседа. – Где мы будем пасти – на крыше дома? Я знаю, тебе хочется прибрать к рукам хорошую землю, но не надейся. Ничего мы продавать не будем, ни поля, ни пастбища.

– Тогда нам остается только пойти в новый поход. – Хагир невесело усмехнулся. – И еще раз попытать удачи в бою. Может, тебе больше повезет, чем твоему мужу.

Он понимал гордую самолюбивую хозяйку и ее горячее нежелание мириться с поражением, но выходов оставалось мало, и неумно было бы отвергать самый действенный из них. Земли, в конце концов, на Квиттинге много. Эта война опустошила полуостров, и не так уж трудно найти новое место для полей и пастбищ, даже если и придется заново расчищать их от кустов. Даже если придется сняться с места и строить новый дом, это лучше, чем сохранить усадьбу, но лишиться хозяина. Как говорится, крыша дома – хозяин.

– Видно, так тому и быть. – Бьярта не заметила насмешки и подняла на Хагира решительный взгляд. – Если бы нам раздобыть еще один корабль...

– Ох! – Тюра всплеснула руками. – Если бы мы могли раздобыть корабль, о чем бы шел разговор? Уж корабль-то стоит десять марок! Мы бы отдали его, и все!

– Не так все просто! – поправил ее Хагир. – С кораблем можно добыть гораздо больше, чем десять марок, поэтому отдавать его просто так не стоит. Вот если бы... какой-нибудь добрый сосед одолжил нам корабль...

Он посмотрел на Ульвмод. Тот повел широкими плечами и усмехнулся:

– Что ты так на меня смотришь, клен копыя? Да, у меня есть корабль. Хороший боевой корабль...

– Почти ровесник тебе самому, – почтительно и со скрытой насмешкой заметил Хагир. – Тебе ведь его еще отец подарил?

– Это заслуженный корабль, – с выразительным восхищением подхватила Тюра, поняв его мысль. – Столько лет он ходил по морям, не единожды измерил весь Морской Путь, побывал во всех племенах... Наверное, там и днище-то рассохлось, и мачта в гнезде не держится...

– И весла случайно все растерялись! – беглым взглядом поблагодарив ее, продолжал Хагир. – И тропа от сарая к морю поросла не то что травой, а кустами и деревьями! Твоему кораблю, Ульвмод, придется прорубать дорогу на волю! Ты ведь десять лет не выводил его из сарая!

– А я не так глуп, чтобы всем показывать свое сокровище! – посмеиваясь, отвечал Ульвмод. – Вы, конечно, большие хитрецы, но удача за меня: твой отважный хозяин часто выводил корабль на воду и вот подарил его какому-то оборотню, а мой «Волк» стоит себе в сарае и стоит! Пусть он немного рассохся, но починить его не так уж трудно.

– Ты мог бы одолжить его нам, пока он не развалился совсем, – предложила Тюра. – Никто не похвалит такого хозяина, у которого добро пропадает понапрасну, ведь верно?

– А не то корабль умрет от старости и попадет к Хель! – пригрозил Хагир.

– Мог бы и одолжить! – так же посмеиваясь, согласился Ульвмод. Как и Тюра, он еще не понял, насколько всерьез это все говорится. – Не задаром, конечно. Все то время... Молчи, Бьярта, я знаю, что тебе нечем за него заплатить. Слушай лучше, что я вам скажу. Все то время, пока корабль будет в плавании, то пастбище, с Овечьим камнем, будет считаться моим. А если корабль не вернется, то пастбище отойдет ко мне навсегда.

– Хоть на тинге речи держать! – с угрюмой завистью к его деловитому красноречию буркнул Эгдир.

– А если корабль вернется, то моя будет пятая доля в добыче, – не слушая, закончил Ульвмод.

– Десятая! – быстро поправил Хагир. – Сидя дома, ты не слишком перетрудишься за эту добычу.

Сошлись в конце концов на седьмой. Уговорившись, что Хагир завтра приедет осмотреть корабль, и с размаху пообещав даже послать за корабельным мастером, Ульвмод уехал. На прощание он не удержался от намека, что его корабль мог бы послужить выкупом за какую-нибудь хорошую невесту, и при этом глядел на Тюру. Но она даже не улыбнулась. Замысел нового похода слишком ее встревожил, да и намеки Ульвмода нельзя было и дальше считать шутками. Он не настолько весел, чтобы шутить в такой день! Пожалуй, Бьярта права: своими вечными улыбками она позволила Ульвмоду вообразить невесть что.

– Он что, все еще сватается? – спросил Хагир, попрощавшись с соседом и от ворот глядя, как тот с двумя провожатыми скачет вниз по тропе, увозя за седлом свою злополучную «дику» овцу.

– Он только теперь всерьез и начал, – со вздохом ответила Тюра. – Или я, глупая, только сейчас сообразила. Я все думала, что он смеется. Ну, какой из него жених?

– Он-то думает, что совсем не плохой... И, если ему еще нужна невеста, значит, в какой-то мере он прав. Ну, не хмурься, я же тебя не сватаю.

– А я и не хмрюсь! – Тюра с усилием улыбнулась и заговорила с нарочитой веселостью: – Я очень горда и счастлива. Такой богатый и умный жених – большая редкость и не каждой вдове без приданого достается.

Хагир помолчал, тихо посвистывая. Ничего нет хорошего в том, если негодная вещь в нужде кажется сокровищем. И если молодая, красивая, добрая нравом женщина вынуждена радоваться сватовству старого, но богатого жениха – как раз тот невеселый случай. На Квиттинге слишком много вдов. Возможно, даже больше, чем неженатых мужчин. И придет ли этому конец?

– И теперь я не знаю, что делать! – прибавила Тюра. – Если он прямо спросит, пойду ли я за него, а я откажу, он может обидеться. Мы и сейчас-то ссоримся, а тогда...

– А ты припугни его! – посоветовал Хагир и сам улыбнулся пришедшей мысли. – Потребуй, чтобы он отомстил за Асбьёрна. Ты замечательная женщина, но что-то мне не думается, что даже твоя красота вдохнет в Ульвмоду отвагу выйти на бой с Эльгом Длинноногим!

Тюра вздохнула и махнула рукой:

– Ах, не напоминай мне...

– Прости!

– Ничего. Ой, но неужели так бывает? Такие условия, чтобы со второго мужа брать клятву отомстить за первого! Это же нелепо: как может мужчина мстить человеку, который освободил его будущую жену от предыдущего брака!

– Ну, это смотря какая женщина окажется... Ты понимаешь, это к тебе не относится! – Спohватившись, Хагир тронул Тюру за плечо. – Что-то я этим летом совсем отупел, сам не понимаю, что несу!

Но Тюра улыбнулась ему без следа обиды, в ее глазах светилась радость. Теперь, когда первые треволнения от встречи и новостей поулеглись, на душе у нее стало легко: она больше радовалась возвращению Хагира, чем горевала о Стормунде. Конечно, из-за Стормунда им всем еще предстоит немало тревог, но Хагир дома, а значит, они, женщины и дети, теперь под защитой. До его возвращения Бьярта и Тюра вдвоем держали на плечах дом и усадьбу, а теперь Хагир взял значительную часть груза на себя. Какой он стал – лицо исхудалое, щеки впалые, и от этого подбородок кажется еще жестче и решительнее. Брови заломлены, а синие глаза пристально смотрят как бы внутрь души, на ту заботу, о которой он только и думает все эти два месяца с того злосчастного дня... Но даже такой он казался Тюре красивее всех, и чем дольше она смотрела на него, тем ярче в ее груди разгоралось теплое счастливое чувство.

– Как я рада, что ты жив и вернулся! – тихо сказала Тюра.

– Спасибо! – Хагир знал, что она говорит чистую правду.

– За что ты благодаришь, глупый? – Тюра улыбнулась. – Ведь это я счастлива, а значит, я и первая в выигрыше. А ты-то хоть рад, что вернулся домой?

– Не знаю. Я еще не понял.

Хагир смотрел на луговину под пригорком, на береговой обрыв и дальний лес, словно хотел привычным зрелищем убедить себя, что и правда вернулся в то место, где прожил последние восемь лет и за неимением другого привык считать своим домом. Странно даже: пять месяцев похода показались ему очень долгими и насыщенными, а здесь ничего не изменилось, только трава поблекла. Долгое путешествие все еще не отпускало его, лежало на плечах: мерещились, точно бежали вслед, бесконечные переходы, размеренный шаг по каменистой земле под неумолчный шум близкого моря, ночевки в чужих домах или прямо под открытым небом, вкус рыбы и дичи, жаренных на углях. За время пути хирдманы снимали с себя почти все перстни и обручья, у кого что было, чтобы раздобыть еду и ночлег: пускали их неохотно, опасаясь неприятностей, и брали дорого. Иной бонд, завидев возле своей луговины толпу вооруженных чужаков, спешил спрятать с любовью и надеждой растимого поросенка в детскую колыбель и молил богов сохранить его добро. Но до грабежа мирных бедняков Хагир никогда не позволил бы себе унизиться, даже под угрозой голодной смерти, как он надеялся. Невелика честь бить тех, кто не может защититься. Дядя, Ингвид Синеглазый, с которым Хагир провел свое отрочество, даже в самые тяжелые времена не позволял дружине обирать тех, ради кого они воевали. И хотя времена схваток квинтинских ярлов с фьяллями давно прошли, память родича была слишком дорога Хагиру, чтобы он изменил чести, понятие о которой внушил ему Ингвид Синеглазый. Вся его жизнь – война за Квинтинг, за его честь, благополучие и счастливое будущее...

Да, кстати, о войне.

– А хорошо все же, что от твоих глаз Ульвмод тает. Если бы ты его не усмирила, он уехал бы злой, как тролль, и у кого мы бы теперь просили корабль? Наша Бьярта, конечно, умная женщина, но вот ссорится она всегда не вовремя, – сказал Хагир и обернулся к Тюре.

Пойманная его взглядом врасплох, она улыбнулась, но он заметил тревогу в ее глазах.

– Корабль! – воскликнула она. – Мне еще хотелось бы знать: а кто будет грести на этом корабле? Или ты знаешь такие заклинания, чтобы корабль плыл сам, без весел?

– Тебя это так тревожит? – уточнил Хагир.

– Н-нет. Я думала... о Стормунде.

Тюра отвела глаза. Она не хотела признаваться, о чем думает. Ее муж, Асбьёрн Берестянка... Теперь вот муж ее сестры Стормунд Ершистый... У них остался только Хагир, а он опять собирается в поход. А им опять ждать, тревожиться, раскидывать руны... Неужели для всех мужчин на земле только одна дорога? И придет ли этому конец?

– Людей можно набрать, – утешал ее Хагир. – Тут ведь есть кое-какой народ. Конечно, мы теперь не славимся удачей, но все же...

– Все же, если ты позовешь, кто-нибудь непременно откликнется. – Тюра подошла ближе и утешающе погладила его по локтю. Ей было стыдно за собственное уныние, когда Хагир, несмотря на его невозмутимый и решительный вид, все же нуждается в ободрении. – Все-таки твой род – самый знатный на Квиттинге.

– Почти, – честно поправил Хагир.

– Ну, все равно! – Тюре не было дела до других. – Знаешь, люди верят, что знатные роды в любой беде сберегают удачи больше всех. Знаешь, бедным людям хочется верить, что на свете есть хоть кто-то посильнее и посчастливее их. А теперь ведь ты будешь вожаком, к тебе пойдут даже охотнее, чем к Стормунду.

– Да? – Хагир слегка обнял ее той же рукой за талию и с легким, не лишенным удовольствия сомнением сверху заглянул ей в лицо, такое светлое, милое, как мягкий солнечный блик на листве. Говорят, дурак падок на лесть, но и умному человеку приятно, если ему скажет доброе слово красивая женщина. – Какая ты умная, Тюра... Я бы сам на тебе женился, будь мы хоть немного побогаче. Я всегда думал, что жениться надо на умных женщинах.

Тюра подавила вздох и отошла. Между «женился» и «женился бы» существует огромная разница. А она достаточно долго была вдовой, чтобы всесторонне ее обдумать. Не так чтобы она страстно желала выйти за Хагира, но вдовство печалило ее больше, чем думали люди, а за Хагира она пошла бы охотнее, чем за любого из известных ей мужчин. Ему можно доверить и себя, и детей, а это ведь самое главное для женщины. Но Тюра никогда и никому не говорила об этом. Она не верила, что недостаток средств может повлиять на такого решительного и самостоятельно мыслящего человека, как Хагир из рода Лейрингов. Если он видит в бедности препятствие к свадьбе, значит, жениться ему не очень-то и хочется. А навязываться кому-либо Тюра не стала бы за все сокровища Фафнира. При всей мягкости своего нрава она была не менее горда, чем ее старшая сестра.

– Если все будут так рассуждать, то племя квиттов вымрет, – все же сказала она, обернувшись на самом пороге дома. – Если только богатые будут позволять себе жениться...

Хагир быстро шагнул следом за ней, но она еще быстрее метнулась в дом и пропала за дверью.

Перед гридницей Хагир столкнулся с Бьяртой.

– Вот он ты! – нетерпеливо воскликнула она. – Я тебя ищу! Слушай! Я прикинула: тринадцать человек ты привел, еще десять мы можем выделить для похода. Женщинам придется самим смотреть за овцами, ну да ничего, справятся. Еще можно попросить людей у Торвида Лопаты, он даст, у него в челяди полно бездельников. Исфрида вечно жалуется, что не может всех прокормить. И оба его сынка с большой радостью пойдут. И я сама пойду с вами!

– Ты с ума сошла, – для порядка сказал Хагир и прислонился плечом к бревенчатой стене.

На самом деле он не так уж и удивился. Бьярта дочь Сигмунда всегда отличалась твердостью духа и смелостью, а сейчас, измученная бедностью и тревогой за мужа, стала готова на любые подвиги. Случалось ей и поругивать Сормунда за расточительность и опрометчивость, случалось им ссориться, но все отступило перед угрозой навсегда его лишиться, все его недостатки стали несущественными теперь, когда дом остался без защиты. Сормунд, сильный телом и духом воин, отец ее детей и добродушный, любящий и уважающий муж, за двенадцать лет совместной жизни стал частью самой Бьярты, и теперь она буквально не могла сидеть на месте, зная, что он попал в беду и ждет от нее помощи. Пойти в поход ей легче, чем оставаться дома и мучиться дурными предчувствиями в ожидании вестей.

– Тебе там нечего делать, – заметил Хагир. Чувства – одно, а здравый смысл – совсем другое. – Конечно, решимостью ты поспоришь с любой валькирией, но в море надо еще уметь держать меч. А он, знаешь ли, потяжелее веретена.

– Я пойду с вами, – упрямо повторила Бьярта. – Я не умею держать меч, но теперь я хотя бы буду знать, что вы не ввяжетесь в глупую драку, где у вас нет надежды на победу. Как было в тот раз. Я сама за вами присмотрю.

– А кто присмотрит за домом?

– Тюра. И Эгдир с ней останется. Он не мудрец, но человек надежный, а в море от него все равно мало толку. В случае чего Ульвмод ей поможет. Охотно поможет, не волнуйся. Ты знаешь, что он уже чуть ли не свадебные дары предлагает? Ах, если бы он ей нравился, то можно было бы... – Бьярта сжала руки, отчаянно жалея, что такой прекрасной возможности не суждено осуществиться.

– Если бы он ей нравился, в любом случае это были бы ее деньги, – охладил ее мечты Хагир. – И я первый не позволил бы ей тратить цену своей свободы на твоего муженька. Ты знаешь, как я к вам... привык, но сейчас...

– Теперь все будет иначе! – решительно перебила его Бьярта. – Завтра ты поедешь к тому тюленю, а я – к Торвиду. Вот увидишь, он даст нам человек пятнадцать! Он сам ходил бы в походы, если бы поменьше кашлял, а его люди только и мечтают... И наберется почти сколько нужно! Даже больше! Когда по берегу поползут слухи, то и народ сбежится! Ведь не нам одним скоро платить дань!

– А можно мне тоже в поход? – раздался голос Коля, полный горячей надежды.

Глава 2

Под вечер, дней через пять после отплытия из дома, «Волк» медленно шел на веслах вдоль бурых береговых скал. Солнце садилось за море, темнеющий лес над берегом молчал, и слышался лишь плеск воды под веслами. Было тихо, хорошо.

Сидя на месте кормчего, Хагир правил рулем и высматривал, где бы пристать. Пришло время устраиваться на ночлег, но ни крыши, ни дыма, ни корабельного сарая, что указал бы на близость большой усадьбы, нигде не виднелось.

– Э, да скоро Каменистый фьорд! – крикнул сидевший на одном из средних весел Гьяллар сын Торвида, рослый, мощный, круглолицый парень с красивыми светлыми кудрями. – А там есть усадьба! Мы с отцом туда как-то ездили, когда продавали шерсть! Там можно и заночевать.

– Я знаю, что тут есть усадьба, – отозвался Хагир. – Я этого фьорда не знаю, а его, должно быть, не зря назвали Каменистым. Посадить на камни чужой корабль мне совсем не хочется. Так что лучше нам опять переночевать на берегу. И дешевле, и воздух чище.

– И нечего нам делать в усадьбе! – поддержала Хагира Бьярта. – Нечего лезть людям на глаза.

Хагир усмехнулся:

– Ну, допустим, пока мы еще не совершили ничего такого, что мешало бы нам показываться людям на глаза.

– Зато собираемся. – Бьярта была уверена, что недобрые намерения прямо-таки написаны на лицах всех без исключения всадников Ульвмодова «Волка».

Безумный на первый взгляд замысел в конце концов оказался не таким уж несбыточным. «Волк» нуждался в серьезной починке, но корабельный мастер нашелся неподалеку, и дней за десять с делом покончили; Торвид Лопата с радостью дал одиннадцать человек и в придачу послал старшего сына. Сам Ульвмод выделил девятых, «присмотреть за моим кораблем», как он говорил. Округа зашевелилась, и каждый день в Березняк являлись гости осведомиться, правда ли, что Хагир сын Халькеля набирает людей для похода, или это только вздорные слухи. В итоге у Хагира набралось сорок с лишним человек, то есть даже больше, чем требовалось для того, чтобы четырнадцативесельный «Волк» мог плыть. Правда, людей не хватало на то, чтобы менять гребцов дважды в день, но «Волку» везло с ветром, и начало похода складывалось благополучно.

Место кормчего Хагир занял сам и был бы вполне доволен своей дружиной, если бы мог не заглядывать вперед. Грести-то тут все умели, но вот боевой выучкой хвастаться не приходилось. До отплытия Хагир с утра до ночи занимался со своей дружиной, обучая работников и сыновей местных бондов владеть мечом и щитом. Случалось, доходило до того, что под вечер измотанный наставник спотыкался на ровном месте и падал еще до того, как юный воин, привычный иметь дело больше с пастушеским посохом, успевал нанести удар. Но тогда во двор выбегала Тюра, которая сидела в кухне, поддерживая маленький огонек в очаге, где в углях стоял на своих трех копытцах бронзовый горшочек с кашей. Она отгоняла смущенно хихикающего «победителя», поднимала «побежденного» с земли и вела умываться и ужинать.

– Что ты себя мучаешь? – приговаривала она, стянув с Хагира мокрую от пота и черную от пыли рубаху и поливая водой ему руки и спину. – Хочешь из пастуха сделать Сигурда Убийцу Дракона?

– Сигурдов учат с семи лет! – отвечал Хагир, фыркая сквозь воду, текущую по лицу. – Но и пастух должен держать оружие в руках! Если их поубивают в первом же бою, их призраки мне будут являться каждую ночь и выть: «Это ты нас убил!» И что я им отвечу?

– Но что-то же они умеют? Ты не видел, как этот Халль своей дубиной волков бьет?

– Да уж, умеют! Они умеют ловко рубить дрова, потрошить рыбу, а иные даже резать овец! Но в походе нам придется иметь дело с врагами пострашнее трески и овцы! И даже волка, если на то пошло! У тех ведь мечей и щитов не бывает!

– За месяц, боюсь, ты их многому не научишь.

– Но чему-то научу! Хотя что-то надо делать! Мне надо, чтобы они выдержали первый бой, а там придет и опыт, и уверенность.

– Но зачем так торопиться? До Середины Зимы еще много времени.

– Мы не можем ждать. Пока лето, ходит много торговых кораблей. Чем ближе к зиме, тем меньше их будет. Да, они все неплохие ребята. Если бы и правда было время до Середины Зимы, из них вышла бы неплохая дружина!

Перед самым отплытием судьба преподнесла Березняку подарок: однажды под вечер в усадьбу явились Лейг и Бранд Овсяный. Как оказалось, Вебранд отпускал пленных по одному каждый день, высаживая на берег там, где в этот вечер оказался. Беда в том, что происходило это на восточном берегу Туманного пролива, и всем остальным, даже если Вебранд всех до единого отпустит, по пути домой придется перебираться через море. Но зато родные всех оставшихся в плену воспрянули духом, и Хагиру было легче оставить усадьбу с надеждой, что вскоре еще кто-нибудь появится.

И вот, не прошло и месяца с тех пор, как Хагир вернулся с печальными вестями, а «Волк», оснащенный линиялым парусом из запасов Торвида Лопаты и канатами, купленными на деньги Ульвмода Тростинки, уже шел вдоль южной половины Квиттинга, выискивая добычу. Был он, конечно, староват, тяжеловат и руля слушался посредственно, а без хорошего корабельного мастера не удавалось понять, в чем тут дело. Зато в пасть деревянной волчьей головы на штевне Хагир набил железных гвоздей вместо зубов, и, украшенный разноцветными щитами на бортах, «Волк» выглядел не так уж плохо.

– А мы там были, в той усадьбе! – сказал Лейг. Раненый бок у него еще побаливал, поэтому он сидел на весле мало и сейчас отдыхал, пристроившись возле ног Хагира. – Мы там ночевали, нас там даже покормили и перевязали. Хозяйке понравился Бранд...

– А? – Услышав свое имя, Бранд обернулся от середины корабля. – Чего?

– Хорошая, говорят, усадьба?

– Ничего себе, – согласился Бранд. – Только не спрашивай меня, как туда плыть. Мы шли по берегу.

– И мы пойдем по берегу, – утешил его Хагир. – Вон там отмель. А если ты, Бранд, хочешь навестить гостеприимную хозяйку, то до утра свободен.

Бранд хмыкнул и дернул плечом. Зато Бьярта поднялась с оружейного сундука, на котором сидела, и через весь корабль прошла на корму к Хагиру.

– Слушай, что я придумала, – начала она, придерживаясь за борт. На лице ее было беспокойное оживление, и Хагиру вспомнился Стормунд перед той злосчастной битвой. – Нам не надо всем показываться в усадьбе. Лучше я одна пойду.

– Хочешь понравиться хозяину? – Хагир усмехнулся. – Имей в виду, я Стормунду все расскажу.

– Я хочу узнать, есть ли у него гости и что это за люди! – пояснила Бьярта, не обратив внимания на насмешку. – Кто куда плывет, что за товар везет, много ли дружины. Может, найдется что-нибудь подходящее. Ты же сам говорил, что надо действовать с умом и не кидаться на первых встречных. Говорил, что можно получить по шее ни за пеннинг добычи! Так надо выяснить, что за добыча ходит рядом!

– погоди! – Хагир понял ее мысль задолго до конца речи. – Придуманно неплохо, но почему это должна быть ты? всю дружину брать с собой не стоит, это верно, но женщине идти в чужое место одной – безумие.

– А кому еще? Не тебе же! Ты, яшень копыа, слишком приметный человек, тебя все знают. А меня никто не знает.

– Тут есть и другие люди, которых никто не знает. Мужчины. Пусть, в самом деле, Бранд идет. Скажет, что соскучился по хозяйке, а она ему все выложит: кто плывет, с кем и куда. Если там вообще есть гости.

– Ах, ну как же ты не понимаешь! – Бьярта с горестной досадой трянула сжатыми кулаками. – Не Бранд, а я! Я сама должна что-то сделать! Бранд не поймет, не сообразит... Мужчины! Что вы понимаете? Вам бы только подраться! Будет надежнее, если я... Я должна идти!

Хагир вздохнул. Он видел, что за последний месяц Бьярта похудела от пожиравшей ее тревоги. Муж не шел у нее из мыслей. Не слишком ли тяжела его рана, не умрет ли он раньше, чем они поспеют с выкупом? И раздобудут ли они выкуп? И не передумает ли Вебранд – от этого гадкого оборотня всего можно ожидать! Бьярта пошла в поход, не в силах сидеть дома, но сейчас, в походе, ее сжигали та же тревога, нетерпение и жажда деятельности. Нужно раздобыть десять марок серебра, но день проходил за днем, а десять марок все так же оставались воображаемыми, наяву ими даже и не пахло. Только в опьянении первых мгновений возвращенной жизни десять марок серебра казались ничтожной, жалкой ценой. Теперь, когда надо было добывать выкуп, его тяжесть оказалась весьма ощутимой. Глядя на каменистые берега, моховые полянки и песчаные отмели с пучками почерневших водорослей, Бьярта вообще не верила, что на свете существует десять марок серебра. Камни есть, песок есть, разбухшие от воды деревянные обломки тоже бывают. А серебро – разве что где-нибудь у свартальвов! В приступах отчаяния ей хотелось биться головой о землю, чтобы достучаться до подземного народца с его бесполезно пропадающими сокровищами. Каждый новый день казался ей нестерпимо долгим и ужасающе бесполезным. Напрасно Хагир утешал ее и твердил, что дерево не падает от первого удара и что ради добычи в военном походе приходится трудиться и ждать не меньше, чем земледельцу, который обрабатывает поле и ждет урожая. Бьярта слушала и не слышала. Ее душа жаждала, чтобы необходимые десять марок уже сейчас лежали перед ней, и рвалась хоть что-то сделать, как-то приблизить долгожданный час.

– Ничего не случится, – уговаривала она Хагира. – Я возьму с собой одного-двух, чтобы тебе было спокойнее...

– И правдоподобнее... – вставил Хагир.

– Да. Я скажу, что еду к мужу или к родне... Что тот корабль повернул к Квартингу, а меня высадили, потому что мне нужно на восточный берег, и я теперь ищу другой. И я все узнаю... Ничего со мной не будет. Нельзя же думать, что из-за этой войны все вокруг стали преступниками и женщине нельзя из дому выйти, чтобы на нее не набросились какие-нибудь звери!

– Ладно. – Хагир видел, что она не уймется. А расспросы женщины и в самом деле вызовут меньше подозрений. – Только не называй своего имени. Про наши дела могли пойти слухи.

– Хорошо! – довольная Бьярта рассмеялась от радости, как девочка, которую отпустили погулять. – Я скажу, что я – Тюра! Я у нее взяла покрывало на всякий случай. Бедную вдову всякий пожалеет! Вот увидишь, как хорошо все получится!

Она убежала к сундуку под мачтой и принялась в нем копаться. Хагир проводил ее глазами: она оживилась, повеселела, в каждом ее движении прорывалась лихорадочная, нетерпеливая дрожь. Хорошая все-таки жена досталась Стормунду: смелая, умная, решительная и притом еще красивая и преданная. Наверное, и правда все получится. Если боги не помогают таким людям, то кто же тогда достоин их помощи?

«Волк» пристал к берегу возле устья узкого каменистого фьорда. Вместе с Бьяртой в усадьбу отправился Гьяллар сын Торвида и Хринг, кузнец из Березняка, грубоватый, но сильный и надежный человек. Когда Хагир увидел Бьярту с серым вдовьим покрывалом на голове, у него тревожно стукнуло сердце: это показалось дурным пророчеством. Но Бьярта ни о чем

таким не думала и только ликовала, что наконец-то делает дело. От радости и волнения она раздурманилась, и вид у нее, под вдовьим покрывалом и со счастливыми глазами, был очень странный. Глядя, как она торопливо идет вдоль темнеющей опушки в глубину фьорда, опережая обоих спутников, Хагир надеялся, что по пути она остынет и даже устанет. Так будет правдоподобнее.

В гриднице усадьбы, названия которой Бранд не помнил, оказалось довольно много народа, так что Бьярта остановилась на пороге, не зная, где тут найти хозяев и к кому обратиться.

– Стейн! Ты где! Погляди, кто пришел! – крикнул где-то впереди мужской голос. – Иди встречай!

Бьярта оглянулась на голос: в середине палаты возле стола стоял мужчина лет сорока, высокий, со светлыми волосами и бородкой, и его веселые глаза смотрели на Бьярту с такой приветливой радостью, точно они в родстве. Бьярта даже испугалась: что если он ее знает? Тогда все пропало, обман раскроется... Богиня Фригг, да откуда ему ее знать, если они в жизни не встречались? И выговор у него какой-то чужой, не квиттинский...

– Привет тебе, липа запястий! – К ней подошел другой человек, грузный и широколицый, невозмутимый и привычно вежливый. – Откуда ты тут взялась, если это, конечно, не тайна? Но если тебе нужен приют, ты можешь у нас переночевать.

– Кто ты? Что это за усадьба? – спросила Бьярта.

– Я – Стейн сын Атли, а усадьба моя зовется Каменистый Пригорок. Что же ты, сама не знаешь, куда пришла? – Хозяин поднял брови.

– Да... – Бьярта немного смутилась, не зная, правильно ли ведет себя. Раньше она почти никогда не выезжала из дому, и в чужом месте, полном незнакомых людей, чувствовала себя неуверенно. – Я плыла на корабле... но они держат путь на Квартинг, а мне надо на восточный берег, и они меня высадили...

– Потом поговорите! – К ним подошла молодая женщина, ровесница Бьярты, и плечом оттеснила Стейна. – Что ты прямо на пороге кинулся расспрашивать? Дай я ее усажу.

Она увела Бьярту за женский стол, где стояли миски с кашей и вареной рыбой. За едой Бьярта потихоньку оглядывалась. В гриднице сидело человек сорок, и половина была похожа скорее на гостей, чем на хозяйских домочадцев. Хагир прав: летом много народа пускается в плавание. У очага что-то рассказывали. Лица мелькали, голоса сливались в неразборчивый гул, и показалось даже, что тут говорят на каких-то чужих языках. Бьярта чувствовала себя отчаянно неуютно. Всего пять дней пути – и словно где-то в другом мире, все чужое. Никто на нее даже не глядит... как слепые! Не так было дома, где вся округа уважала Бьярту, жену Стормунда Ершистого... Как тут что-то узнать, когда даже не знаешь, как обратиться к соседу? Хоть бы один знакомый... ой, нет, этого еще не хватало! Не нужно сейчас никаких знакомых, никого, кто ее знает, и Бьярта поспешно взяла невольное пожелание назад. Но что же делать? Сейчас она совсем не верила, что справится с делом, ради которого пришла. Может, и правда стоило Бранда послать?

Покончив с едой и оглядевшись немного, Бьярта приободрилась. Никто ее не замечает, никто не кричит: «А, Бьярта из Бьёрклунда! Что ты тут делаешь? Разбоем добываешь серебро на выкуп своего неудачливого муженька?» Она – Тюра. И ей надо на восточный берег. Значит, она имеет полное право спрашивать, кто куда плывет.

Когда молодая хозяйка проходила мимо, Бьярта поймала ее за край платья:

– Скажи-ка, Фригг обручий... не поможешь ли ты мне?

– А? – Хозяйка наклонилась, всем видом выражая желание побыстрее разделаться с помехой и спешить дальше. – Тебе что-то нужно? Иди в девичью, дверь вон там, там сидит Хильда, старуха, она...

– Нет, мне нужно узнать! – Бьярта заговорила быстрее. – Мне нужно узнать, не плывет ли кто-нибудь из твоих гостей на восточный берег.

– Это я не знаю! – Хозяйка махнула рукой. – И так каждый день толпа народу, прямо гостинный двор какой-то! Раньше было где пристать, а теперь тут домов-то на берегу осталось – по пальцам посчитать, вот все и лезут... Еще следить, кто куда плывет, у меня два глаза, и я не Хеймдалль, чтобы слышать как растет трава... Иди вон к нему, он все про всех знает.

Хозяйка махнула рукой, показывая на того высокого, светлородого, который первым заметил Бьярту. Будто услышав, он как раз посмотрел на них, встретил взгляд Бьярты и улыбнулся.

– А кто это? – спросила она, но хозяйка уже отошла.

Бьярта встала и направилась к середине палаты. Светлородый ждал, пока она подойдет, и даже толкнул плечом кого-то из соседей, призывая освободить ей место.

– Садись, Скади нарядов! – Он указал ей место рядом с собой с таким удовольствием, точно всю жизнь мечтал посидеть с ней.

Бьярта старалась приветливо улыбаться, но в душе беспокоилась: с чего это вдруг? Чего ему надо? Мелькнуло даже опасение, что он тоже выискивает ту или иную добычу, но тут же сама себя одернула: хватит выдумывать глупости с перепугу!

– Да хранят боги твой путь, яшень меча! – начала она. – Мне указали на тебя, но не сказали, кто ты такой. И я...

– Я – Гельд сын Рама, по прозвищу Подкидыш, – с готовностью ответил светлородый. – Я из Барланда, из Стейнфьорда, из усадьбы Над Озером. А как тебя зовут? Я думал, что знаю всех красивых женщин Морского Пути, а выходит, что ошибся!

– Я – Тюра дочь Сигмунда, – вполне уверенно ответила Бьярта. Человек из такой дали, из-за трех морей, никак не может распознать обмана. – Моего мужа звали Асбьёрн Берестянка, он погиб в море четыре года назад...

– Когда нарвался на Эльга Длинногого из Фьялленланда! – вместо нее закончил Гельд Подкидыш, и глаза Бьярты широко раскрылись от изумления и почти ужаса. Напрасно она надеялась... Он что, читает мысли? Но тогда он знает, что она – никакая не Тюра? Он колдун? Богиня Фригг!

– Не удивляйся! – Гельд улыбнулся. – Я знал твоего мужа. Мы встречались в Эльвенэсе, на Квартинге и еще раз на Воротах Рассвета. А про его гибель мне рассказали фьялли. Правда, не сам Длинноногий... Он, знаешь ли, из тех, кто лучше умеет совершать подвиги, чем о них рассказывать. А у большинства бывает наоборот... Прости, я заболтался! – Гельд спохватился, что вдове убитого не очень приятно слышать, как ее потерю называют чьим-то подвигом. – Поверь, я очень сочувствую твоему горю – твой муж был очень достойным человеком! – с искренним чувством говорил он, и Бьярта против воли проникалась к нему все большим доверием. Его сердечность была так заразительна, что даже к самому Асбьёрну, которого и видела-то всего два раза, Бьярта сейчас испытала более теплое родственное чувство, чем раньше. – Что же тебя сюда привело? Не могу ли я тебе чем-нибудь помочь?

Бьярта помолчала, стараясь успокоиться. У нее было чувство, что она спряталась от опасности в какое-то ненадежное укрытие и каждый миг может быть обнаружена. Сердце стучало так громко, что хотелось придержать его ладонью. Ну, Асбьёрн, дорогой родич, удружил! Он его знает! Правда... Тюра никогда не упоминала никакого Гельда, значит, тоже ничего о нем не знала и его не видела. В этом они не расходятся, значит, у барландца, с участливым любопытством ждущего ответа, нет никаких возможностей уличить ее в обмане.

– Я... Я хотела попасть на восточный берег, там была наша усадьба, – начала она излагать заранее приготовленное. Содержание рассказа не стоило труда, поскольку прошлой зимой в Березняке и правда обсуждалась возможность такого путешествия – для настоящей Тюры. – Усадьба Рудный Обрыв... У нас была хорошая усадьба, правда, земля бедная, но зато хорошие

железные копи. Когда мой муж погиб, с ним погибла почти вся дружина, я осталась с женщинами и детьми... Мне пришлось продавать усадьбу за бесценок, потому что удержать я ее все равно не смогла бы. Ее купил Грим сын Рикмунда, и он мне еще остался должен... А сейчас нам не хватает денег... Ну, это тебе ни к чему, это наши беды.

Бьярта поймала себя на том, что пытается представить сестру на своем нынешнем месте и вести себя, как она. Но получалось плохо: они были слишком разными, и Бьярта не могла выдать ласковую, немного смущенную улыбку, которых так много имелось в запасе у Тюры. Произносимые лживые слова казались ей легковесными, как пушинки, и даже казалось странным, что собеседник этого не замечает. Или замечает?

– Да я все понимаю, – легко ответил Гельд, и Бьярта начала опасаться, что он действительно понимает слишком много. – Но я, честно говоря, не думаю, что из твоей поездки выйдет толк. С тобой только эти двое? – Он кивнул на мужской стол, где сидели Гьяллар с Хрингом.

– Да.

– Тогда ваш Грим сын Кого-то найдет сто отговорок, чтобы не платить долга.

– И у него хватит наглости обидеть женщину, вдову? – гневно воскликнула Бьярта, даже где-то жалея, что на самом деле не увидится с Гримом и не сможет сказать ему, кто он такой. Теперь она не помнила о Тюре и говорила от души.

Гельд умиротворяюще качнул головой:

– Поверь, меньше всего я хотел бы возводить напраслину на человека, которого в глаза не видел. Может быть, он только и мечтает отдать тебе твои деньги. Но, понимаешь ли, когда едешь с места на места и бываешь чуть ли не на всех тингах Морского Пути, столько всяких случаев насмотришься... Особенно в такое время, как на Квиттинге сейчас. В беде все худшее в людях лезет на поверхность, и, когда страна разорена, гораздо чаще встретишь человека, способного обидеть вдову, чем помочь ей. Вообще-то люди не так уж плохи, добрых людей я тоже повидал достаточно, даже больше, пожалуй, чем плохих. Хорошего в людях тоже много, но оно, как золото, тяжелое и лежит на самом дне. А всякая дрянь всплывает. И если этот ваш Грим за четыре года не нашел случая прислать тебе свой долг, значит, он не очень-то хочет расставаться с серебром. Чтобы его убедить, требуется дружина посильнее двух человек... Хотя вон тот, с темной бородой, и выглядит очень грозно. – Гельд бросил уважительный взгляд на Хринга. – У тебя есть свидетели сделки?

– Да. Целых трое. Правда, я не знаю, живы ли они, я четыре года не получаю от них вестей...

– Если хоть один из них умер, не успев по закону передать свое свидетельство наследникам, то это уже повод отложить дело до тинга. А на тинге бывает полезна сильная дружина и звонкое серебро. Поверь, я не хочу пророчить тебе несчастий, но трудности лучше знать заранее. Понимаешь ли, сейчас на Квиттинге так много бедных людей, а бедные, что не говори, жадные.

– Еще бы! – пылко воскликнула Бьярта. Это она приняла на свой счет, потому что бедность привыкла считать своим неотделимым качеством. – Если бы тебе приходилось каждый год выметать из дома все подчистую, чтобы заплатить дань, ты тоже был бы жадным! И тоже за любую мелочь, за дохлую овцу, любому бы вцепился в горло! Это богатые могут себе позволить раздавать подарки направо и налево! А если ждать каждый раз, что фьяллям покажется мало и они сожгут тебе дом... Тут будешь жадным!

– Это все понятно, – протянул Гельд. Теперь он не улыбался и выглядел озабоченным, точно речь шла о его собственных бедах. – Это я все видел... Даже не знаю, чем тебе сейчас помочь. Я сам плыву не в ту сторону. Я шел с юга, а теперь поворачиваю на Квартинг. И здесь... – он окинул гридницу взглядом, – нет сейчас никого, кому было бы с тобой по пути. Наверное, тебе придется пожить у Стейна какое-то время... Ну, ничего, сейчас лето, много кораблей плавает. Дней за десять ты наверняка найдешь подходящих попутчиков. Только будь

осторожна. Спроси у Стейна, знает ли он этих людей. Сама понимаешь, молодая красивая женщина не всякому может довериться.

– Это я знаю, – бросила Бьярта.

После собственной горячей речи у нее вдруг упало настроение: она ощутила себя одинокой, бедной, беспомощной, заброшенной в даль. Тревожная тоска по Стормунду вспыхнула с новой силой: хотелось лететь через моря и горы и скорее, скорее увидеть его, снова быть с ним и не иметь надобности притворяться вдовой! Хотелось назад на «Волка», к Хагиру, к своей разношерстной дружине, с которой были связаны такие драгоценные надежды и потому каждый человек которой казался родным. Как хорошо, что она не одна, что у нее есть сильная дружина с надежным вождем! Поплыть бы, в самом деле, и вытрясти из подлеца Грима те пять марок, которые он должен настоящей вдове Асбьёрна Берестянки! Может, впредь будет одним охотником обижать вдов поменьше!

– Давай я тебе что-нибудь подарю... в память о твоём муже, – предложил Гельд, которому было жаль изнуренную молодую женщину и хотелось ее подбодрить. Бьярта подняла на него непонимающий взгляд, не сразу сообразив, какого мужа он имеет в виду. – У меня есть хорошие ткани, гладкие, цветные, из хорошего говорлинского льна. Тебе подойдет. Есть красивые бронзовые застёжки... Была еще резная кость, тоже говорлинская, но ее я продал. Утром покажу тебе, выберешь себе что-нибудь.

– Если ты так раздаешь подарки кому попало, не много же ты наторгуешь! – снисходительно упрекнула Бьярта. – Мой муж тоже лю... бил раздавать больше подарков, чем мог себе позволить. Что об этом говорит твоя жена?

– Моя жена была бы не очень довольна... если бы она у меня была! – Гельд негромко рассмеялся, и Бьярта неуверенно улыбнулась в ответ. Барландец так искренне готов был принять в душу ее саму и все ее беды, что рядом с ним сразу делалось легче. – Она, несомненно, говорила бы, что я так немного наторгую. Моя родственница Борглинда именно это мне говорит, когда я у нее бываю. А я на это отвечаю, что нет сокровищ дороже дружбы. Знаешь, как говорил Один:

половина краюхи,
неполный кувшин
мне добыли друга.¹¹

Никогда ведь не знаешь, что тебе пригодится. Короче, если бы у меня была жена, я подарил бы ей ткани и гребни. А раз у меня ее нет, почему бы мне не подарить их тебе?

– Ты был у говорлинов? – спросила Бьярта. Она еще не решила, можно ли ей принять от него подарки.

Утром, проснувшись в девичьей, Бьярта сразу увидела рядом с собой свернутый кусок полотна, белого с широкой синей полосой. Локтей десять будет, хватит на рубаху... а если быть умнее и шить из хорошего полотна только подол, рукава и грудь, что видны из-под платья, то и на две.

– Это откуда? – спросила она какую-то здешнюю старуху.

– Это барландец тебе прислал, – зевая, ответила та. – Положи, говорит...

– А где он?

– А уплыл уже. Долго спишь...

Наскоро собравшись и разыскав Гьяллара с Хрингом, Бьярта попрощалась с удивленной хозяйкой, которая не могла взять в толк, куда эта странная гостья отправляется пешком со

¹¹ Старшая Эдда, пер. А. Корсуна.

своими двумя провожатыми. До устья фьорда она бежала, не чуя под собой ног. Только бы успеть! Еще вечером она сообразила, что барландец по имени Гельд и есть та самая добыча, которая им нужна. Сейчас он должен быть в море, но еще до вечера он будет у берегов Квартинга. По рассказам Бьярта знала, что пролив Двух Огней не так уж широк.

Выбежав к берегу, Бьярта в изумлении остановилась: песчаная площадка, где оставался «Волк», была пуста, кострище погасло. Но тут же от опушки в ней шагнул Альмунд.

– Эй! – Он призывно махнул рукой. – Мы уже свернулись. Отплыли назад, а то здесь какой-то «Кабан» выходил, скамей на шестнадцать. Чтоб не увидел.

– Это он! – возбужденно воскликнула Бьярта. – Где Хагир? Это наша добыча выходила!

Выслушав ее, Хагир приказал поднимать парус. Ветер дул не очень сильный, но попутный, на запад, и, помогая себе веслами, «Волк» бодро двинулся через пролив. Хагир шурился, вглядываясь в морской простор и высматривая парус. Бьярта дрожала от беспокойства и не могла усидеть на месте.

– У него должно быть на корабле много всякого добра! – повторяла она, расхаживая от носа до кормы, покачиваясь и придерживаясь за плечи ухмыляющихся гребцов. – Он же сам говорил: и ткани, и бронза... А резную кость он продал, значит, должно быть серебро! Да сам парус...

– Успокойся! – уговаривал ее Хагир, когда она приближалась к сиденью кормчего. – Через пролив плыть почти до вечера, а там еще нужно будет их догнать. Если там нет усадьбы, где они успеют укрыться на ночь.

– Только бы там не было усадьбы! – молилась Бьярта, отчаянно сжимая руки.

Теперь, когда они выбрали добычу и тем сделали важный шаг к цели, ей хотелось весь оставшийся путь пробежать бегом. Скорее, скорее! Догнать барландцев, взять добычу! Только бы Один и Тюр дали им победу в этом первом бою! Только бы у барландца набралось серебра и товаров на десять марок! Тогда можно прямо отсюда плыть к граннам! И Стормунд будет свободен! Бьярта уже видела перед собой лицо мужа, с шершавой кожей на красных щеках, с неприглаженной темной бородой, с воодушевленно горящими глазами. Казалось, он уже где-то рядом и тоже сжимает кулаки от нетерпения – скорее же, скорее! Ее муж, ее опора и тревога, ее наказание и сокровище, ее судьба!

– Голова сказала: «Десять!» – бормотал Хагир, глядя на ее беспокойное хождение. – Десять, чтоб их тролли взяли!

Словно отзываясь на нетерпение Бьярты, попутный ветер крепчал. «Волк» набирал ход, вскоре Хагир велел подобрать весла. Бьярта вглядывалась в даль и всей душой жаждала скорее увидеть темную полосу кварталского берега.

Когда берег наконец показался, ветер начал стихать, и дружине пришлось опять сесть на весла. Хагир покусывал нижнюю губу: перед возможным боем мотать руки на веслах – не лучшее, что можно придумать. Будь у него тут старая Стормундова дружина, тогда бы ничего страшного. Но боевой пыл вчерашних работников и рыбаков от усталости заметно ослабнет.

– Корабль! – крикнул глазастый Лейг с переднего весла. – Парус вижу! Цветной! Помнишь, утром! Это он, «Кабан»!

– Налегай! – отозвался Хагир.

Теперь они шли на юг вдоль невысокого приветливого берега, где на пологих травянистых холмах светились белые березняки, а в море впадало множество чистых ручьев. Берег был причудливо извилист, полон мелких заливчиков. «Волк» обогнул мыс, и теперь все увидели цветной парус, который в первый раз лишь мелькнул впереди: новый, яркий, с огромным красным кругом на синем поле – точь-в-точь встающее солнце. Бьярта зажмурилась, вообразив, сколько можно получить за такой парус. Рядом с ней Аудвин Долговязый, присев у сундука с оружием, гремел замком.

«Кабан» шел не торопясь, и скоро «Волк» стал его настигать. Бьярта ушла на корму и спряталась возле сиденья кормчего: Хагир велел ей не высовываться и даже прикрыл большим щитом. Бьярта не возражала: лихорадочное волнение, сжигавшее ее весь день, совсем ее обессилило. Она не воображала себя валькирией, что носится в битвах над землей и над морем, и о личных ратных подвигах не мечтала; ей хотелось закрыть глаза и открыть их, только когда все будет позади. Десять марок! Ей мерещилось тусклое, расплывчатое сияние серебра, и казалось, что огромная сила ее желания сама должна была создать серебро прямо из воздуха. Даже вместо корабля впереди ей виделась груда серебра, и ничего другого в ее мыслях не помещалось.

Конечно, «Кабан» заметил преследователей с красным щитом на мачте и стал замедлять ход. На корабле барландцев поднялась суeta, хозяин тоже отпирал оружейный ларь, свободные от весел хирдманы снимали щиты с бортов, под солнечными лучами холодно поблескивали наконечники копий и приготовленных стрел.

– Кто вы такие и чего хотите? – закричали с «Кабана», когда «Волк» почти настиг его.

– Меня зовут Хагир сын Халькеля! – ответил Хагир, к тому времени оставивший руль и перешедший на нос. – Вы можете выбрать: или вы сами отдаете нам весь ваш груз и сокровища, и тогда мы никому не причиняем вреда, или бьетесь с нами.

– Пожалуй, я выберу второе! – вполне спокойно ответили ему. – Я, Гельд сын Рама, никому еще не отдавал свое добро просто так!

Гребцы налегли на весла, и «Волк» с такой силой врезался штевнем в борт «Кабана», что несколько барландцев не удержались на ногах. Обученные Хагиром хирдманы ловко метнули железные крючья, и одновременно с этим Хагир перепрыгнул на «Кабана», копьём сшиб первого бросившегося ему навстречу и тут же выхватил меч. Несколько весел протянулось с борта и легло на борт противника, образовав мостки над волнами; квитты побежали по веслам, попрыгали вниз, щитами сбивая барландцев, и мгновенно по всей длине «Кабана» закипела схватка.

Хагир с ходу врубился в толпу и пошел вперед, слыша вокруг голоса своих и чувствуя, что все получится. На «Кабане» было меньше людей, на десяток меньше, а квиттам придавало сил именно то сознание, что это – их первый поход и первый бой, который обязательно должен сложиться удачно. Хагира несло чувство, что вся дружина держится на его плечах, на его силе, опытности и вере: если бы он мог, он успел бы везде и всех противников взял бы на себя. В крови его кипела дикая сила; он наносил удары быстрее молнии, щитом спихивал противников в море, и все в нем бурлило от жажды скорее очистить чужой корабль. Волна битвы двигалась все дальше к корме, барландцы отступали. Люди летели в воду, кто-то пытался карабкаться обратно, но волны относили пловцов прочь. Гельд сын Рама был где-то впереди, Хагир видел его мелькающий шлем и синий щит. Только бы добраться до него, а там все будет кончено.

Бьярта сидела на корме «Волка», сжимая голову руками. Первые звуки боя словно пробудили ее от сна, длившегося чуть ли не месяц. Если квитты сейчас будут разбиты, это конец всему: она потеряет последнюю возможность помочь Стормунду, и ей самой останется только броситься в море! Но так не может быть, чтобы Хагир был разбит! Он умеет драться, и люди в него верят! Бьярта тоже верила, но не находила сил поднять голову из-за щита и посмотреть вперед, где совсем близко, в десятке шагов по кораблю, кипело сражение, клинки с хрустом врубались в щиты, раздавались крики. «Волк», железными крючьями прикованный к «Кабану», бешено содрогался вместе с ним, и сердце Бьярты то отчаянно билось, то замирало, дыхание теснилось от жгучего желания, чтобы все было кончено в считанные мгновения, чтобы сейчас, сейчас была одержана победа, чтобы все осталось позади...

– Стой! Не дергайся! – кричали голоса где-то там, перебивая друг друга, то сливаясь с железным лязгом и деревянным треском, то снова выделяясь. – Бросай меч! За борт бросай! Хорошо. Вон туда, на корму.

– Готово! Вот он! Хагир!

- Плыви себе! Да брось лук, на кой он нам сдался!
- Троль тебя дери!
- Хагир!

Опять услышав имя Хагира, Бьярта наконец решила поднять голову. Шум утих почти совсем. Выглянув из-за щита, она обнаружила, что битва окончена: «Волк» был почти пуст, а вся толпа собралась на «Кабане». Это вроде бы хорошо... Куда лучше! В воде виднелись головы плывущих прочь от кораблей, на волнах качались цветные пятна щитов. С полтора десятка человек, безоружных, толпилось на корме «Кабана», и квитты держали их под клинками.

Драка продолжалась только в одном месте: у борта стоял Гельд сын Рама, с непокрытой головой и мокрыми от пота волосами; прикрываясь половинкой разрубленного щита, он отбивался от троих наседавших на него квиттов. Бьярте бросилось в глаза его лицо – без улыбки, которую она при первой встрече видела у него постоянно, со злобно прищуренными глазами. Обрубок щита трещал, Гельд не успевал отражать всех ударов, хотя боец он был крепкий и мог бы выстоять против троих вчерашних рыбаков. Но только какое-то время. Отступать ему было уже некуда, и оставался один путь – за борт, если успеет.

Вдруг Бьярте стало страшно, и она вскочила на ноги. Она не помнила толком, что человек этот с участием отнесся к ее выдуманным бедствиям, предлагал помощь, давал добрые советы, оставил подарок – она только чувствовала, что его гибель будет несправедливостью, несчастьем.

- Пробежав по днищу корабля, Бьярта натолкнулась на борт и закричала изо всех сил:
- Стойте! Хагир! Останови их, не убивайте его!

Хагир свистнул, и трое квиттов отступили на шаг, по-прежнему держа барландца под клинками. Скользя взглядом по врагам, Гельд посмотрел на Бьярту. Он тяжело дышал, светлые волосы прилипли к высокому лбу, и взгляд оставался жестким, совсем не таким приветливым, как там, в усадьбе... Конечно, он узнал ее, и на миг Бьярте стало стыдно. Казалось, она предала его... хотя какое же это предательство? Каждый день кто-то лишается добра, а кто-то его приобретает.

– Бросай секиру, – велел Хагир барландцу. – Тебя никто не тронет. Ваша кровь мне не нужна.

Гельд опустил обломок щита и молча бросил секиру на днище корабля. Один из квиттов подобрал ее.

– Все их оружие – к нам, – коротко распоряжался Хагир. – И у кого что найдется – в сундук, как я сказал. Этих вязать. И быстрее, а то нас снесет в море.

Квитты, разгоряченные и ободренные победой, живо принялись за дело: обезоруженных барландцев связали, торопливо обыскали, снимая шейные гривны, обручья, пояса, перстни. Мечи, копья и секиры валялись под ногами, как хворост. Мельком оглядывая добычу в руках своих людей, Хагир отмечал: будет десять марок серебра. И даже еще останется, так что вся дружина будет довольна. Сундуки и мешки с «Кабана» поспешно перекидывали на «Волка»; мешки падали мягко – меха, не иначе. Было несколько мешков зерна, а в двух тяжелых сундуках что-то гремело. Каменные котлы в сундуки не запирают, значит, там может быть бронза. Тоже хорошо.

Но... Присев, Хагир поднял голову лежащего у мачты парня из усадьбы Ульвмода Тростинки. Возле самого сердца – отверстие от клинка, крови мало, значит – вся внутри. Мертвое лицо сморщено, будто парень перед самой смертью пытался что-то сообразить, понять, что такое с ним происходит. То ли Хьёрт, то ли Ауд – он еще плохо знал по именам свою новую дружину. И вон еще один... Хагир узнал спину Глома из людей Гьяллара, в спине торчало короткое копьё. Так глубоко и сильно вошло, что тело прибито к днищу корабля, не сразу и поднимешь. Двое... или больше? А иначе не бывает. Дядя, Ингвид Синеглазый, говорил, что всякий кубок на победном пиру до половины налит кровью.

Когда с добычей было покончено, Хагир приказал вырубать крючья. Пришла пора браться за весла: за время битвы оба сцепленных и неуправляемых корабля отнесло довольно далеко от берега, а ветер крепчал.

Перегнав всех своих людей на «Волка», Хагир сам обрезал веревку на руках Гельда. Тот молчал и посматривал на него испытывающе.

– Не знаю, как вы поплывете дальше, но попытайтесь, – пожелал ему Хагир. – Если вас спросят, кто вас так обидел, отвечайте: это сделал Хагир сын Халькеля, но толкнул его на это Вебранд Серый Зуб. Понятно?

– Хагир сын Халькеля? – повторил Гельд и вдруг пристально глянул ему в лицо. – Из Лейрингов?

Хагир кивнул. На беседу времени не оставалось, неуправляемый «Кабан» отчаливал от борта «Волка», и Хагир поспешно перепрыгнул на свой корабль. Гельд больше не смотрел ему вслед, освобождая своих уцелевших товарищей, чтобы вместе с ними сесть за весла. За вычетом убитых, раненых и упавших за борт, у него оставалась едва половина – самое необходимое число, чтобы «Кабан», лишенный паруса, мог добраться до берега.

Прекрасный парус, синий с красным солнцем посередине, кое-как свернутый, валялся под мачтой «Волка». По днищу корабля едва удавалось пройти – так загромождали его мешки с «Кабана». Перед сиденьем кормчего лежал перевернутый щит, полный серебряными гривнами, обручьями, поясами с серебряными бляшками, прочей дребеденью. Нашлось даже два рога для питья с серебряной оковкой. Бьярта сидела рядом и лихорадочно копалась в серебре, радостно вскрикивая при виде всякой тяжелой или искусно выполненной вещи. В ее руках была свобода Стормунда! Когда Хагир подошел, она подняла к нему румяное лицо с совершенно сумасшедшими от счастья глазами.

– Богиня Фригг! – бормотала она. – Сколько всего! И так просто!

– Ну, не очень просто! – отрезвил ее Хагир. – Мы пятерых потеряли, ты знаешь об этом? И все – из новых... И еще шестеро не скоро будут драться или грести. Вон, Гьяллару плечо развалили – ты бы пошла его перевязала.

Бьярта послушно поднялась и пошла к раненым, но то и дело оглядывалась на добычу. Хагир поднял щит и осторожно ссыпал всю кучу на дно оружейного сундука.

– Я же говорила, что все получится хорошо! – крикнула ему Бьярта. – Только в другой раз я не буду долго разговаривать с теми, кого мы присмотрим. Очень страшно ждать, что убьют тех, с кем я говорила!

Хагир кивнул. Однако, «в другой раз»! Похоже, она решила продолжать в том же духе! Понравилось, что ли, воображать себя валькирией? А впрочем... Хагир быстро принялся за подсчет: десять марок из этого – на Стормунда, потом по две марки семьям каждого из погибших, да Ульвмоду за корабль, да дружине... Вернув Стормунда, они по-прежнему останутся без средств для фьялльской дани... А осень на носу! Так что Бьярта совершенно права: впереди у них еще не один «другой раз».

Следующие десять или двенадцать дней всадники «Волка» провели, плавая вдоль северного побережья полуострова Квартинг, неподалеку от того мыска, где так удачно сразились с барландцами. За это время боги привели туда еще четыре торговых корабля; два Хагир решил пропустить, поскольку они шли вместе и дружины имели многочисленные, зато два оставшихся разделили судьбу «Кабана». Хозяин двенадцативесельной снеки с конской головой на штевне, которая попала в «Волку» последней, с первого взгляда понял, что повстречал очень решительных людей, и сразу согласился на первое предложение Хагира: сойти на берег и там подождать, пока квитты проверят содержимое его мешков. Здесь было взято не так уж много – зерно, овчины и несколько криц железа, зато обошлось без единой капли крови.

– Вот какие мы грозные! – смеялся довольный Гьяллар. – Отцу расскажу: вот он позабавится! А Сиг умрет от зависти!

– И попросится в другой раз с нами! – добавила Бьярта. – Твой брат не трусливее тебя!

– И когда-нибудь у нас с ним будет два боевых корабля с дружиной! – мечтал Гьяллар. – Мы будем ходить по всему Морскому Пути вместе, везде биться и одерживать победы, и все будут нас бояться! Два славных морских конунга, Гьяллар Суровый и Сиг Дерзкий!

Хагир посмеивался, глядя на пышным цветом расцветшее тщеславие простодушного парня. Но и у него самого настроение было неплохое. После третьей победы у них набралось достаточно добра, чтобы заплатить дань и безбедно прожить следующий год. Среди добычи имелись даже четыре говорлинские кольчуги, прочные и до ужаса дорогие; Бьярта смотрела на «платья валькирий» с таким восторгом, что Хагир предложил ей примерить. Бьярта взялась было за край подола, но выпустила: железная рубашка оказалась слишком тяжелой. Лето выдалось удачным, а там ведь придет новое лето, да и Сормунд будет на свободе. За зиму можно набрать и обучить новую дружину... и мечта о двух хороших боевых кораблях окажется не так уж далека от осуществления.

И тогда... Об этом Хагир думал уже без смеха. Нет, тогда он не будет грабить торговцев и прочих, кто случайно попадется ему на дороге. Тогда его целью будут только фьялли, те самые фьялли, которые уничтожили почти весь род Лейрингов, сожгли его родную усадьбу на Остром мысу, довели до нищеты весь полуостров. Даже лицо Хагира становилось жестким, брови изгибались круче, а в синих глазах мелькали молнии, когда он думал об этом. Да, он опоздал родиться к началу этой войны, ему сравнялось всего девять лет ко дню Битвы Конунгов, в которой погибли восемь его родичей, включая двоюродного брата Атли, которому было тогда всего тринадцать. Но война не убежала, она подождала его. Может быть, боги нарочно сберегли его, зная, что в будущем тоже понадобятся бойцы. И теперь он, Хагир сын Халькеля, остался почти единственным на свете мужчиной из рода Лейрингов. Только он может отомстить за свой род.

Но не только Лейринги – вся держава квиттов подверглась грабежу и позору, и эти грабеж и позор продолжают до сих пор, повторяются и сейчас, каждый день! Кто-то должен положить этому конец! Хагир вырос с этими мыслями и так привык к ним, что из привычки сложилось убеждение, что именно он напрямую отвечает за будущее своего племени. И теперь, если он и правда раздобудет средства на хорошую дружину, отвлеченная убежденность, больше похожая на мечту, превратится в настоящее дело. «Клянусь, я это сделаю! – повторял в мыслях Хагир, поднимая глаза к небу и ясно видя лицо Ингвида Синеглазого, каким он его запомнил. – Клянусь Отцом Ратей!» – «Ты работай, работай! – слышался ему в ответ глуховатый, спокойный голос родича. – Делай свое дело. А там будет видно».

Но ближайшим необходимым делом оставалось освобождение Сормунда. Пора было направляться на юг, к земле граннов. Предстоящий путь Хагира не тревожил: к пятерым, погибшим в первом бою, за следующие дни прибавилось только двое, из раненых никто не умер. Вот только Бьярту хорошо бы как-то спрятать на время переговоров с Вебрандом. А то ведь полуоборотень вообразит, что молодую и красивую женщину ему привезли в качестве выкупа, и тогда все начнется с начала.

И «Волк» пошел на юг. Ночевали квитты на берегу: в самом конце лета ночи и ранние утра были уже холодны, но у доблестных бойцов теперь имелись овчинные одеяла, а местные жители-кварги не очень-то хотели пускать в дом незнакомую дружину. За время похода «Волк» приобрел грозный вид: его изрубленные борта покрылись темными пятнами засохшей крови, а дружина после трех побед обзавелась отличным оружием. Каждый теперь имел хороший меч, а то и не один, крепкий щит, копье, секиру, шлем. Не раз бывало, что прибрежные жители, завидев «Волка», бросали сети и со всех ног бежали прочь. Квитты смеялись им вслед: так приятно было чувствовать себя сильными и способными внушать страх после того страха перед

фьяллями, под гнетом которого Квиттинг жил уже много лет. Молодым парням, выросшим в этом страхе, казалось, что они попали в другой мир, свободный и широкий, который им только грезился в мечтах и вдруг нашелся наяву. Даже воздух здесь казался свежее, а небо выше, и сами они стали другими, могучими и неустрашимыми, как великаны.

Под вечер одного из тихих теплых дней «Волк» пристал в устье широкого полноводного фьорда. Прибрежная низина поросла редкими березовыми рощами, а вдали, на склоне пологой горы, глазастый Лейг рассмотрел будто бы крыши усадьбы. Ближе стояло с десятков маленьких домишек, на песке виднелись в изобилии деревянные сушилки для рыбы и растянутые на кольях сети, но людей не было видно.

– Не зайти ли нам в дом? – предложил Альмунд, который уже соскучился по новым людям, и кивнул в глубину фьорда. – У меня вчера ночью волосы к траве примерзли. Может, хозяева примут на ночлег славных героев?

– Я думаю, они заперли ворота и приготовили оружие для славных морских конунгов, – сказал Хагир. – На здешнем побережье мы наверняка прославились: ведь все трое нами обиженных уплыли в эту сторону.

– Подумаешь! – фыркнул Гьяллар. Красивый железный шлем с медными накладками так ему нравился, что он не снимал его даже на привале и сам себе казался богом Тюром. – Может, нам пора учиться захватывать и усадьбы?

Хагир усмехнулся:

– Во-первых, жадность до добра не доводит. А во-вторых, мы понятия не имеем, кто там хозяин и сколько у него народу. Бегать от опасности стыдно и глупо, но искать ее – глупо вдвойне. А главное, нас ждет Стормунд. Дело сначала, а забавы потом.

– Надо же, какой ты умный! – проворчал Гьяллар, не смея спорить.

Развели костер, и Бьярта уже хлопотала над огромным котлом с кашей, когда один из хирдманов свистнул и показал в глубину фьорда. По берегу прямо к ним скакал одинокий всадник в развевающемся красном плаще, явно не бонд и не рыбак. Под плащом у него блестела кольчуга, ножны меча на широком поясе сверкали золочеными накладками, красный щит с железным умбоном напоминал заходящее солнце.

Квитты насторожились и приготовились к встрече: половина отошла к вытащенному на песок кораблю, половина выстроилась полукругом за спиной у Хагира. Положив руки на пояс, он ждал, не сводя глаз с нарядного гостя. Важная птица, сразу видно. Но почему один?

– А это, как видно, дух-хранитель здешних мест! – беспокойно шутил Альмунд. – Такой красивый и такой смелый!

– Да уж, умный человек в одиночку на целую дружину не полезет! – ворчал Хринг. – Подвох это, я вам скажу! Пока мы на него рты разинем, нас целым войском обойдут!

– Спустить бы корабль!

Хагир несколько мгновений колебался. Спустить корабль было бы умно, но... стыдно. Чтобы один из Лейрингов собрался бежать, имея при себе дружину и видя перед собой единственного человека! Нет, спустить корабль они всегда успеют. А вот показывать свою робость топотиться не стоит.

– Кто это говорит? – нарочито насмешливо спросил он, не оборачиваясь и не сводя глаз со всадника. – Гроза Квартинга? Великие герои, при виде которых враги сдаются без боя?

Вокруг одобрительно засмеялись. Так-то лучше. Кто бы это ни был – пусть он увидит веселые и уверенные лица.

Приблизившись шагов на десять, всадник придержал коня. Высокий, хорошо сложенный и ловкий, «дух-хранитель» выглядел лет на тридцать. Довольно красивое лицо обрамляла небольшая темно-русая борода, темные глаза из-под густых черных бровей смотрели надменно и требовательно. Запястья обеих рук, сжимавших поводья, обвивало множество толстых серебряных цепей, и узорные цепи, еще толще, покачивались на груди поверх кольчуги. Заво-

рожденная этой роскошью Бьярта смотрела, не дыша: один из отважных и прекрасных богов Асгарда, должно быть, выглядит именно так!

– Кто вы такие? – меряя пришельцев вызывающим взглядом, осведомился всадник. – Я давно услышал, что в моей округе завелся какой-то морской конунг, но я не ждал, что у него хватит наглости явиться прямо ко мне в дом! Что у вас на уме: мир или разбой? Если у вас злобные намерения, так и знайте: я сумею постоять за свою землю!

Хагир выслушал это, стараясь не выдать недоумения: отчего такая важная птица летает в одиночестве и грозит врагам лишь блеском глаз? Или считает, что этого достаточно?

– Возможно, что ты слышал обо мне, – очень вежливо ответил Хагир. – Но тогда ты должен знать мое имя, потому что я всем его называю. Я – Хагир сын Халькеля, из рода Лейрингов, и моя родина – Квиттингский Юг. А вот мне не так повезло, и я понятия не имею, кто ты такой.

Всадник усмехнулся, поигрывая плетью. Хагир отметил: возможность назвать свое имя доставляла щеголеватому хозяину этих мест прямо-таки наслаждение.

– Я – Фримод ярл по прозвищу Серебряная Рука, сын Стридмода ярла, родич Рамвальда конунга, правитель Северного Квартинга! – гордо ответил он. С каждым новым добавлением он делался как бы выше ростом и внушительнее. – И я не потерплю, чтобы мои земли подвергались разграблению.

– Приятно встретиться с таким знатным и прославленным человеком! – заверил Хагир. Знатность собеседника была несомненна, а слава вытекала из нее и подразумевалась сама собой. – У нас нет никаких враждебных намерений против тебя и твоей земли. Мы хотели всего лишь переночевать здесь и плыть дальше. Наш путь лежит к землям граннов, а против Квартинга, пусть услышат меня боги, мы ничего не имеем!

И он положил руку на рукоять меча, призывая богов в свидетели. При этом Хагир мысленно отметил, что, возможно, его миролюбивый ответ разочарует собеседника.

Фримод ярл несколько мгновений вглядывался ему в лицо, точно прикидывая, можно ли ему верить. Но лицо Хагира, четкое и спокойное, никогда не оставляло возможности для сомнений. Война или мир всегда были ясно на нем написаны, и одно никогда не подразумевало другое. И Фримод ярл улыбнулся, отчего вдруг стал проще и приветливее.

– Тогда я рад, что такие доблестные люди появились в моей земле! – объявил он, и в широкой улыбке белые ровные зубы блеснули не менее ярко, чем серебро на груди. – Я приглашаю тебя, Хагир сын Халькеля, и всех твоих людей быть моими гостями. А кто эта женщина рядом с тобой? Это твоя жена?

– Это Бьярта дочь Сигмунда. Ее муж – Сормунд Ершистый из усадьбы Бьёрклунд. Это на западном побережье Квиттинга.

– Он тоже с вами? – Фримод ярл окинул взглядом дружину за спиной у Хагира.

– Нет. Ему не слишком повезло...

– Вы потом мне расскажете все, что сочтете нужным! – прервал его Фримод ярл, понявший, что об этом гости как раз не очень хотят рассказывать. – А сейчас давайте стлкивать корабль. Я сам проведу его до моей усадьбы, а там у меня есть место в сарае.

Вот так Хагир и дружина «Волка» оказались гостями Фримода ярла, правителя половины Квартинга и родича конунга кваргов. Жил он в просторной усадьбе, с большим, недавней постройки хозяйским домом, с богатой резьбой на воротных столбах, выкрашенной охрой. Поминальные камни предков стояли, как бессмертный дозор, прямо перед воротами, и длинные, причудливо переплетенные ленты рунических надписей на них тоже были ярко окрашены красным, белым и черным. Камней насчитывалось немного, всего шесть или семь, но ими, как видно, гордились и о них заботились.

Внутри дома тоже нашлось чем похвалиться, и Бьярта, привыкшая жить бедно и у соседей видеть ту же бедность, была потрясена здешней роскошью. Фримод ярл приказал украсить гридницу к пиру, и квиттингская гостья не могла налюбоваться цветными коврами, серебря-

ной посудой, которой в изобилии украсили столы. Фримод ярл так откровенно радовался ее восхищению, что Хагир насмешливо шурился, глядя на них.

– Это я раздобыл в походе к уладам – видишь, тут вытканы наши корабли, – со счастливой гордостью рассказывал Фримод ярл, показывая на один из ковров. – А этот рог я добыл из кургана... то есть сам рог истлел, но его оковку я приказал перенести на новый. А это мне подарил Хеймир конунг, когда я прошлым летом был у него на свадьбе. А вот этот меч и это копьё я отбил у одного говорлинского конунга... Посмотри, какая сталь! Камень разрубит и наковальню, не хуже Сигурдова меча Грама! Жаль, моей матери сейчас тут нет, а не то она показала бы тебе ожерелье, которое я добыл в святилище у бьярров. Оно все из золота и весит три марки. Оно висело на шее у бога, и потом этот бог до самого берега гнался за нами по лесу и валил за собой все деревья! Это была славная песня! Слушай:

Ясень стрел, блестящий славой,
Мерял море волком влаги...

Ну, ладно, это я потом спою. А вот это, посмотри...

Бьярта смотрела на хозяина сияющими глазами, восхищенная и подвигами хозяина, и собственной удачей, которая привела ее в гости к такому человеку. Вот как люди живут! Не то что на Квиттинге, где каждой селедке рады! У нее было такое чувство, как если бы она всю жизнь провела на дне темного ущелья, а теперь вдруг вылезла наверх и узнала, что ее ущелье – далеко не лучшее, что есть на свете. Что можно жить совсем по-другому! Что есть земли, где люди добывают сокровища и сохраняют их, показывают гостям и не боятся, что какой-нибудь Асвальд Сутулый отберет все не позже осенних жертвоприношений... Вот бы... И воображение делало Бьярту хозяйкой подобной же усадьбы. А что, если бы не проклятые фьялли...

Да нет, куда там! Стормунд Ершистый, конечно, сильный и отважный человек, но удачи у него маловато. На такие подвиги не хватит. Это надо родиться каким-то другим человеком. Родич конунга, конечно! Бьярта вздыхала, но тут же гнала прочь досаду и поднимала глаза на Фримода ярла, чтобы утешиться хотя бы чужим счастьем. А Фримод ярл воодушевлялся все больше и больше и наслаждался возможностью рассказать не меньше, чем Бьярта – послушать и посмотреть.

Хагир, в ожидании еды сидя на скамье в середине гридницы, разглядывал оружие, развешанное по стенам. Тут тоже было чем полюбоваться. Прозрачная сталь привозных восточных клинков, словно сплетенная из темных и светлых нитей, золоченые рукояти, узорные наверхшие мечей, литые бляшки на цветной коже щитов – целые саги на каждом. Одно копьё показалось знакомым – именно такие ковали и украшали в усадьбе Железный Пирог, что стояла на Остром мысу неподалеку от усадьбы Лейрингов... там, где сейчас пустырь, заросший кустами, где трава оплела и снег засыпал старые угли пожарищ. Те же узоры на втулке наконечника, и резное древко из остролиста – дерева руны «тюр»...

– По твоему виду трудно заподозрить, что ты никогда не видел оружия, – вдруг раздался рядом с ним юный, приятный, немного насмешливый женский голос. – А ты так в него вцепился, будто не видишь ничего другого.

Хагир обернулся. В шаге от него стояла девушка лет двадцати, среднего роста, в темно-синем платье и со множеством золотых цепочек на груди. На запястьях ее цеплялись друг за друга тонкие золотые обручья, на плечах сияли две крупные, почти с ладонь, узорные золотые застёжки, а между ними, посередине, почему-то прилепилась еще одна – маленькая, из потемневшего серебра, в виде свернувшейся кольцом узорчатой змейки. Длинные русые волосы густыми прямыми струями спускались до пояса, а на уровне лба были прихвачены серебряным обручем с тонким вычеканенным узором в виде плетистых цветущих побегов. В самой

середине сиял небольшой, полупрозрачный зеленый камешек, почему-то напомнивший блеск волчьих глаз зимней ночью.

Лицо девушки нельзя было назвать особо красивым – этому мешал тяжеловатый подбородок и высокий широкий лоб, отчего чертам не хватало легкости, утонченности. Но зато большие, мягко сияющие карие глаза казались очень хороши, а тонкие ровные брови и длинные черные ресницы подчеркивали их живой блеск. Она смотрела приветливо, даже ласково, но во взгляде ее таилось что-то загадочное, отчего Хагир почувствовал себя неудобно. Казалось, она имеет в виду гораздо больше, чем сказала, и Хагир вскочил со смущенным чувством, будто не заметил чего-то очень важного.

– Впрочем, ты должен сказать, что мужчину всегда привлекает оружие, а на ковры, кубки и прочие пустяки пусть любят женщины. Ты это хотел сказать, да? – Девушка улыбнулась его растерянному молчанию, слегка склонила голову к плечу, словно умоляя согласиться с ней.

Хагир все молчал: она угадала даже не то, что он подумал, а то, что он должен был подумывать. Мелькнуло сомнение, не смеется ли она над ним... Но лицо девушки казалось приветливым и ничуть не надменным, и Хагира наполнило чувство, что вместе с ней к нему приблизилось что-то хорошее, доброе и радостное.

– Может быть, тебе покажется странным, что я к тебе пристала, – с лукавым покаянием добавила девушка. – Но дело в том, что это...

Не договорив, она опустила глаза и вздохнула, точно ей предстояло сказать что-то тяжелое, но весь ее облик лучился скрытым смехом.

– Что я занял твое место! – с облегчением, поняв наконец, закончил Хагир.

Девушка подняла на него глаза и с удовольствием засмеялась, и Хагир засмеялся тоже, поняв, что наконец-то угадал, что она имела в виду. И теперь он не видел той некрасивости ее лица, которая поначалу так бросилась в глаза: ее мягкий, дружелюбный взгляд смотрел прямо в сердце, и девушка казалась близкой, как сестра, с которой всю жизнь прожил под одной крышей. Казалось, она все про тебя знает, да и ты все про нее знаешь: каждая ее мысль и каждое чувство именно те, которые ты и хотел бы в ней найти.

– Садись. – Хагир взял девушку за руку и подвел к месту. – Я же не знал...

Ее рука была легкой, теплой и тоже дружелюбной даже на ощупь, и от этого прикосновения в нем вдруг все ожило, словно кровь потеплела и побежала быстрее. Расставаться с этой рукой не хотелось; Хагир отступил, но руки не выпустил. Девушка едва сдерживала смех, но не сердилась.

– Садись и ты тоже. Ты же гость! – Она потянула к себе свою руку, и Хагир вернулся, как прикованный.

Он понимал, что вид имеет восторженный и глуповатый, что она смеется над его растерянностью, но ничего не мог поделать, и почему-то ему было хорошо, хотя всю жизнь его очень волновало, как он выглядит и что о нем подумают.

– Так ты считаешь, я достоин занять твое место? – Он попытался все же наладить беседу, чтобы не выглядеть совсем уж дураком. – Или я сначала должен сложить ловкую вису о своих подвигах?

– Если ты умеешь складывать висы, я с удовольствием послушаю, – заверила девушка. – Ты бы знал, сколько неловких вис мне приходится выслушивать! – Она метнула лукавый взгляд на Фримода ярла, который держал в руке золотую чашу с узором в виде летящих орлов и повествовал о том, как захватил ее в бою с кем-то. – И если ты умеешь складывать ловкие висы, я буду рада отдать тебе должное. Но, по правде сказать, о твоих подвигах мы уже слышали кое-что... Тут проплывали два корабля, которые жаловались, что некий квинтинский «Волк» лишил их всей поклажи.

– Два? – Хагир выразительно удивился. – А должно быть три.

– Вот как? Ну, тогда ты должен сесть на почетное место. Я скажу Фримоду ярлу. – Девушка встала и хотела идти, но Хагир быстро поймал ее за руку и удержал.

Она остановилась, сверху вниз глядя на сидящего Хагира.

– По мне, так самое лучшее место – рядом с тобой, – сказал он. – Не беспокой хозяина, а скажи мне лучше, как тебя зовут. Ты сестра Фримода ярла?

– Нет, я воспитанница его матери, Гейрхильды хозяйки. Она сейчас в своей усадьбе, но скоро должна вернуться. Она будет рада, что у нас такой знатный гость – один из квиттинских Лейрингов... Последний конунг квиттов был из вашего рода, я ничего не путаю?

– Хлейна! – вдруг крикнул Фримод ярл.

Девушка быстро обернулась, выдернув при этом свою руку из руки Хагира.

– Где ты? – продолжал Фримод ярл, вдруг вспомнив, что порядочный хозяин хвалится не пустыми кубками и блюдами, а полными. – Ты распорядилась на кухне? Матери же нет, а наши гости проголодались!

Его живое лицо выражало беспокойство лишь о том, что гостям придется слишком долго ждать ужина. Но Хлейна тут же отошла и скрылась за дверью в кухню, не обернувшись больше. А Хагир сжал кулак, будто хотел как можно дольше и надежнее сберечь в ладони мягкое тепло ее руки. Его посетила догадка: ничем вернее он не разрушит доброжелательность Фримода ярла, чем вниманием к воспитаннице его матери.

Пир в усадьбе Роцца Бальдра удался на славу. Мигом прослышав, что морской конунг ничем не грозит округе и готов быть другом Фримоду ярлу, со всех сторон сошлись и съехались соседи. Гридница и даже кухня были полны гостей, и довольный Фримод ярл говорил со смехом, что одного пира на всех не хватит, придется гостям задержаться, чтобы вся округа могла как следует попировать в их честь.

Бьярту посадили в середину женского стола. Хагир ждал, что Хлейна займет это почетное место, но она почти не сидела за столом, а все время сновала по гриднице и кухне, распоряжалась, присматривала за служанками, сама наливала гостям пиво, разносила можжевелевый хлеб, не забывая упомянуть, что пекла его сама, а еще успевала говорить много приветливых слов гостям и домочадцам. Видно было, что она любит себя, такой стройной, нарядной и дружелюбной, но и гости любовались ею, потому что она и впрямь заслуживала восхищения. Взгляд Фримода ярла, как легко заметил Хагир, почти не отрывался от девушки, за исключением того времени, когда он рассказывал о своих подвигах. Слепой увидел бы, что Фримод ярл равнодушен к воспитаннице своей матери, и Хагир ловил себя на том, что ему это неприятно.

Из-за этого открытия он следил за нею вдвое пристальнее, стараясь понять, что связывает эту девушку с хозяином дома. Однажды Хлейна подошла к Фримоду, чтобы наполнить его кубок; он поймал ее руку и стал что-то говорить, но она тут же вырвалась и при этом бросила на Хагира быстрый смущенный взгляд. Фримод ярл пригласил ее сесть рядом с собой, она покачала головой и отошла. И опять бегло глянула на Хагира. Хочет показать, что свободна? Сердце Хагира сильно билось: в нем боролись чувства радостного подъема и смутной тревоги. Он не мог оторвать от нее глаз и, даже заставив себя глядеть в свой кубок, каким-то иным чувством ощущал, где она находится. Каждое ее простое движение давало ему ощущение блаженства, но из глубины души поднималась тревога: что это значит и к чему приведет?

Захваченный всем этим, он совсем забыл о своих заботах, о Сормунде и Вебранде, о фьялльской дани. Гостеприимный Фримод ярл рассуждал, что неплохо бы квиттам задержаться у него в гостях подольше; Хлейна при этом многозначительно посматривала на Хагира, словно побуждала принять приглашение. Сам же Фримод ярл обращал свои речи главным образом к Бьярте, оценив в ней слушательницу своих рассказов. Но она совсем не хотела задерживаться по пути к мужу.

– Мы так рады твоей дружбе, Фримод ярл, но, поверь, нас ждет необычайно важное и срочное дело! – отговаривалась она. – Я не хотела бы говорить о нем сейчас, а вот на обратном пути мы будем рады побывать у тебя снова...

Фримод ярл соглашался, но не оставлял надежд и уговоров. Хагир заметил, что разговорчивость и дружелюбие хозяина тем больше возрастают, чем больше пива он выпивает. Целиком занявшись Бьяртой, он перестал обращать внимание на Хлейну, и вскоре она, оставив свои хлопоты, подошла с кувшином пива к Хагиру и села возле него. Полный того же радостного подъема, Хагир и сам не заметил, как успел рассказать ей почти все о себе: о роде Лейрингов, о Битве Конунгов, об Ингвиде Синеглазом и Стормунде Ершистом. Хлейна в ответ рассказала, что живет у Гейрхильды хозяйки с самого детства, сколько себя помнит, никогда не видела своих родителей и даже не знает, кто они. При этом она посматривала на Хагира с намеком, но он не понимал: ему было решительно все равно, кто ее родичи, его занимала только она сама. Хлейна сидела к нему так близко, что их колени соприкасались; они пили пиво из одного кубка, передавая его друг другу, и никогда в жизни Хагир не пробовал такого сладкого и пьянящего напитка. Хлейна держалась легко, свободно, но ничуть не развязно; Хагиру все время мерещилось, что она как-то вглядывается в него, хочет то ли спросить, то ли сказать о чем-то важном, тайном, доверительном, но задать прямой вопрос не решался. Пока она сидела рядом с ним, ему и этого было достаточно.

Уже стемнело, когда со двора прибежали работники.

– Фру Гейрхильда едет! – радостно и отчасти с беспокойством кричали они. – Спускается с холма!

Фримод ярл мигом вскочил на ноги и поднял на вытянутой руке рог с пивом, будто готовился принести торжественный обет. Его шатнуло, но он устоял.

– Откройте ворота и зажгите факелы! – громко и ликующе закричал он. – Моя мать возвращается! Пусть все ее встречают!

В дом вступает Фригг обручий,
Ясень сечи рад той встрече!
Всех достойней диса злата —
Славных ярлов род ликует!

Радостно гудя и одобрительным смехом отвечая на неловкую, но пылкую вису, народ повалил из гридницы во двор. Хагир и Хлейна тоже встали; девушка, по-видимому, колебалась, то ли бежать навстречу приемной матери, то ли остаться рядом с Хагиром.

– А она не будет на меня в обиде, если увидит... – Хагир взял Хлейну за руку и с намеком кивнул на дверь, в которую как раз протискивался Фримод.

Выпив пива, тот лучше осознавал величие своего рода и своих подвигов, и двери становились какими-то узкими, прямо стыд всего дома!

– Хагир, ты с ума сошел! – раздался рядом голос Бьярты. – Отпусти ее сейчас же!

Хагир и Хлейна разом обернулись. Рядом с ними стояла Бьярта и смотрела на Хагира с досадой и упреком.

– Ты с ума сошел! – повторила она потише, но столь же непреклонно. – Ты забыл, куда и зачем мы плывем? Опять ищешь себе неприятностей?

Хлейна улыбнулась: дескать, решайте свои дела между собой, – и пошла к дверям. А Хагир глянул на Бьярту с не меньшей досадой, чем она на него. Опять она хочет быть умнее всех на свете! Он не мальчик, отданный ей на воспитание!

– Ты выбирай слова, не дома! – с тихой яростью ответил он. – Я как-нибудь сам разберусь, а учить будешь Стормунда!

– Я понимаю, тебе нравится красивая девушка, но надо же голову на плечах иметь! – так же вполголоса выговаривала ему Бьярта. – Если ярл увидит, он тебе голову оторвет. Надо быть дураком, чтобы не заметить, что он сам с нее глаз не сводит. А нам сейчас не до лишних драк. Сам же твердил, что сперва дело, а забавы потом!

Хагир промолчал. Ему было неловко перед Хлейной, но все же Бьярта права. Сначала дело. Вот потом, на обратном пути... Что – на обратном пути? Смущать знатную девушку и давать пищу для сплетен не годится, а свататься... Дураком надо быть! Хагир потряс головой. Мысль о женитьбе, никогда раньше его не посещавшая, применительно к себе самому показалась слишком новой, нелепой и неуместной. Вот уж чего ему никак нельзя делать! Да, он знатен и достоин воспитанницы здешней хозяйки, будь она хоть дочерью конунга. А вено чем платить? Свадебные дары? И куда ее вести, если и дома своего нет? Да и как ему жениться – про два корабля с дружиной уже забыл? О своем долге перед родом и Квиттингом забыл?

Мысли об этом помогли Хагиру стряхнуть весенний хмель, и он прямо-таки с облегчением почувствовал, что снова стал самим собой. Прямо наваждение какое-то... Уж не колдунья ли она? Мягкий взгляд блестящих светло-карих глаз светился со дна его души, и Хагира не покидало чувство, что она где-то рядом. «Ведьма!» – с восхищенной нежностью думал он, и вся его возвращенная было твердость снова таяла, снова тянуло к ней, к Хлейне, и не хотелось думать, зачем это и к чему приведет.

В кухне зазвучали шаги и голоса, народ хлынул обратно в гридницу. Ворвался Фримод ярл с факелом в руке, с преувеличенной заботливостью перевел через порог высокую величавую женщину лет пятидесяти, в которой всякий бы узнал жену и мать ярлов. Фру Гейрхильда была хороша собой, и даже великоватый нос не портил ее, а даже прибавлял умному и гордому лицу внушительности. Дорожную одежду прикрывал широкий темно-синий плащ с большой серебряной застежкой, а серое покрывало вдовы украшали полосы черной с золотом тесьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.